

24(5A0X)

Мусса Дауров

СО ЩИТОМ ...

АДЫГСКИЙ ПРОЕКТ

Мусса Дауров

ПАРАДА ПРИМА

ПОВЕСТЬ

Издательство «Алашара»

2002 г.

Повесть "Парада прима" является продолжением повести "Право на риск". Главный герой повести

Ержиб Гоуреев - сотрудник военной разведки Абхазии выполняет задание командования по созданию канала дезинформации.

Все персонажи повести вымышлены. Автор не несет ответственности за случайные совпадения.

Издание настоящей книги закрепляет авторские права. Перепечатка всей книги или отдельных ее глав без письменного разрешения автора будет преследоваться по закону.

*Бойцам и командирам Восточного фронта,
сражавшимся за свободу и независимость
Абхазии в условиях жесточайшей блокады,
живым и мертвым, посвящается.*

В Новогоднюю ночь с концертом приехала бригада фронтовых артистов. Они давали представление в столовой, при свете свечей, и ярко пылавшего огня камина. Девушки исполняли песню Матвея Блантера и Михаила Исаковского "В лесу прифронтовом":

*С берез не слышен, невесом
Слетает желтый лист.
Старинный вальс "Осенний сон"...*

Молодой ополченец, с переброшенной через плечо пулеметной лентой, повернулся к Ержибу и, как бы ища у него поддержки внезапно осенившей его мысли, сказал:

- Совсем как на войне. Правда, товарищ майор?
- А мы и есть на войне. Самой настоящей.- улыбнулся ему в ответ Ержиб.

- Я хотел сказать как в фильмах о войне, - смутился молодой ополченец, и повернулся вновь к импровизированной сцене. Глаза его увлажнились, а их задумчивый взгляд отразил всю гамму переживаний его души, уже успевшей, в его неполные девятнадцать лет, испытать боль и горечь потерь, и ни с чем не сравнимое стремление жить после пережитых смертельных схваток, жестоких артиллерийских обстрелов и бомбежек.

Мысленно Ержиб пожелал ему уцелеть в этой круговерти и не заметил, что на сцене новые артисты. И только до боли знакомая мелодия вырвала его из минут-

* "Си нанэ" - "Мама" - адыгская песня

ного забытья. Ансамбль исполнял песню "Си нанэ" *. Вернее, даже не песню - девушки, не зная слов, исполняли одну лишь мелодию. Кто-то, видимо, подсказал им, что среди присутствующих на концерте офицеров есть один адыг. Между тем одна из девушек закружилась в танце и через секунду оказалась перед ним. Ержиб не удержался, поддержал ее порыв, и под общий аккомпанемент дружных хлопков они закружились в вихре искрометного кавказского танца. Ее улыбка будоражила воображение, напоминая о далеком доме, а легкие, изящные и вызывающе быстрые движения заставляли его, чтобы не уступить, наращивать темп и без того быстрого танца. А вокруг боевые товарищи подбадривали его хлопками в такт мелодии.

Он стоял в стороне, и молча наблюдал разгрузку вертолета, доставившего из Хабеза гуманитарный груз. Холодный пронизывающий ветер мерно раскачивал огромные лопасти похожей на гигантскую стрекозу винтокрылой машины, приглушал многоголосый гомон толпы, сгрудившейся у левого борта вертолета, мешая перегрузить из него в тентованный КАМАЗ ящики и мешки с продуктами. Он с раздражением отметил, что в толпе беженцев находится немало молодых мужчин призывного возраста. Их сгорбленные под тяжестью громоздких чемоданов и баулов фигуры никак не вязались с полными любопытства, и ожидания неизвестного взглядами детей. "Черт возьми! - подумал он. - На этой войне погибло уже много добровольцев и ополченцев. А эти даже не хотят защищать свою родину. Почему штаб гарнизона и гражданская администрация не могут организовать их на борьбу с врагом? Понятно - оружия не хватает на всех. Но ведь совсем

необязательно, чтобы каждый из них встал бы сейчас с оружием в руках в ряды бойцов на фронте. Из их числа можно создать вспомогательные и запасные подразделения. Их можно задействовать на строительстве оборонительных сооружений или на заготовке топлива, наконец..."

- Извините. Вы - майор Гоуреев? - вывел его из невеселых раздумий чей-то голос. Он обернулся и увидел одного из пилотов вертолета.

- Да. Это я. Какие-нибудь проблемы?

- Нет, - улыбнулся летчик. - Скорее - наоборот. Я должен выполнить приятное поручение. Ваша жена просила передать вам этот пакет, продолжил летчик, протягивая Ержибу небольшой сверток.

- Очень вам благодарен, - обрадовался Ержиб, принимая пакет. - Как там Хабез?

- О, Хабез! Красивые места. И люди хорошие. Для меня - москвича, откровенно говоря, многое в этой войне непонятно. Но радушие и сострадание черкесов к чужой боли, чужой беде близки и понятны мне, как человеку, в детских воспоминаниях которого сохранились тяжелые блокадные годы Ленинграда. В Хабезе мне сказали, что во время Великой Отечественной войны многие ленинградские дети нашли приют в черкесских семьях. Возможно, среди них был и мой младший брат. Это не забывается. Но не буду вас отвлекать. А на словах ваша жена просила передать, что дома все хорошо.

- Да, да. Спасибо. Вы дали мне почувствовать, словно я побывал дома. Спасибо, - сказал Ержиб и, передавая пакет Аслану, добавил: «Отнеси в машину и помоги ребятам при погрузке раненых».

Летчик вернулся к своим товарищам, а Аслан-кабардинец ушел к санитарной машине. В это время

* Джинджолия Хеудар Иванович, погиб после войны, подорвавшись на mine.

Ержиб обратил внимание на старика Аджинджал*. Все называли его за глаза "стариком", отлично сознавая при этом, что, не по возрасту энергичный, он мог дать сто очков форы любому из молодых в ходьбе по горам. Старый охотник, он знал все тропы как свои пять пальцев, и был практически незаменим в выполнении многих задач, связанных с разведкой местности и блокировкой наиболее опасных троп в горах. Сейчас "старик" стоял спиной к Ержибу и, не замечая его присутствия, отчитывал одетого в черное длиннополое пальто с меховым воротником пожилого мужчину:

- Уезжаешь, значит. Да?
- Да вот. Решился, - монотонно ответил пожилой мужчина.

- Решился, значит. А помнишь, ... твою мать, как ты на собраниях выступал? - распекал "старик" пожилого мужчину. - Да, ты всегда был примером. И сейчас пример подаешь. Видишь, сколько молодежи в толпе? Это с тебя они пример берут.

- Да я, понимаешь... Семья у меня улетела. Что мне здесь делать одному? - пытался оправдаться пожилой мужчина, но "старик" не оставил ему шансов:

- И у меня семья улетела. И я один остался. Но, если ты улетишь сегодня, потом, когда мы победим и ты вернешься, я спрошу тебя: "Где ты был ... твою мать, когда мы стояли за свой народ, за свою землю?" Что ты мне тогда ответишь? Даже если и не спрошу, тебе самому будет стыдно посмотреть в глаза тем, кто не оставил родину в трудный для нее час, козел, ты, хренов.

Старик-Аджинджал не стеснялся в выборе выражений, вплетая в свою речь крепкие словечки и, обернувшись, смутился, увидев у себя за спиной Ержиба.

- Извините, товарищ майор. Не заметил, что вы стоите рядом.

- За что вы его так, Хеудар Иванович?, - спросил Ержиб "старика" - Как никак, он старше вас по годам, - кивнул он в сторону уходящего с вертолетной площадки пожилого мужчины.

- Это он что ли старше? Да он моложе меня на три года, - ответил "старик" и, обернувшись в сторону уходившего недавнего своего собеседника, добавил: - Ничего. Это будет ему только на пользу.

Бойцы комендантской роты образовали тем временем живой коридор в толпе беженцев, и начальник гарнизона объявил, что вертолет будет выполнять рейс только по вывозу раненых. Приглушенный ропот недовольства прокатился над толпой. Но открыто возражать никто не стал. И к вертолету потянулась сквозь толпу беженцев цепочка, поддерживаемых товарищами раненых бойцов. Некоторых перенесли на санитарных носилках. И после того, как на борт подняли последнего раненого бойца, подполковник Чичба приказал убрать трап и закрыть люк. Но кто-то из сопровождения замешкался, и в этот момент к вертолету метнулась чья-то фигура. Молодой мужчина вцепился в проем люка, пытаясь подтянуться и протиснуться в салон. Ержиб не раздумывал. Он рванулся к протискивающемуся в люк парню, обхватил его сзади подмышками и, как в молодые годы, на борцовском ковре, совершил бросок с прогибом и разворотом.

Вертолет увеличил обороты, плавно оторвался от земли, и, круто заваливая вправо, стал набирать высоту. Десятки пар глаз провожали уходящую в сторону гор машину. Невысказанная тоска, безнадежность и готовность безропотно ожидать следующий рейс уместились одновременно в этих глазах.

- Почему? Почему вы не дали мне улететь? - почти прошептал молодой мужчина, поднимаясь с земли. Пальцы его пытались безуспешно застегнуть плащ, на

месте оторванной пуговицы. И глаза. Глаза! Они смотрели почти невидящим взглядом. И безысходность сквозила в них.

Ержиб ничего не ответил: повернулся и пошел к ожидавшей его машине.

Капитан Цитишвили просматривал обзор оперативной информации. Все было обыденным, за исключением записи двух последних перехватов. Они велись не на абхазском языке, и их содержание осталось нерасшифрованным. Он связался со службой радиоперехвата недовольный тем, что нет перевода текстов:

- У нас что, переводчиков нет? И если таковых не оказалось здесь, почему не запросили Главное управление?

Начальник службы радиоперехвата предпочел отмолчаться: тихо сопя в трубку, и капитан Цитишвили в сердцах бросил трубку на рычаг. Тем более, что давать запросы в Главное управление не входило в обязанности начальника службы радиоперехвата, да и самому не хотелось начинать службу на новом месте с распекаания своих сотрудников. Следовало самому наладить службу, а уже после этого требовать от своих подчиненных.

Капитан Цитишвили прибыл в город из Главного управления контрразведки, имея задание расследовать причины недавнего провала и гибели майора Харчилава, а также наладить деятельность отдела военной контрразведки Кодорской группировки оккупационных войск. "Двенадцатый" - министр обороны Абхазии - профессиональный военный, - размышлял он над данными службы радиоперехвата, - имеющий за плечами академию Генерального штаба и колоссальный

опыт командно-штабной работы в Вооруженных Силах СССР, кабардинец по национальности. И надо было предполагать, что он обязательно воспользуется возможностью вести радиопереговоры на непонятном для противника языке. В данном случае - на кабардинском. Остается сожалеть, что в отделе не оказалось ко времени переводчика со знанием этого языка, - подумал он. - Это необходимо поправить в ближайшее время."

Упаковав кассеты с записями перехватов, он составил докладную записку на имя начальника Главного управления о состоянии дел и острой необходимости включения в штат службы радиоперехвата переводчика с кабардинским языком.

"Капитану Цитишвили

Срочно!

Секретно!

Сеансы радиосвязи между Двенадцатым и Семнадцатым велись на кабардинском языке. Семнадцатый появился в Ткварчели около месяца назад, возглавляет, по имеющимся данным, отдел военной разведки. Предположительно - кабардинец. Распечатки текстов радиоперехватов прилагаются..."

Ержиб прилетел в Гудауту около полуночи. Несмотря на поздний час, в штабе было полно офицеров. Их хмурые лица и переговоры только шепотом создавали атмосферу напряженности, и он не стал расспрашивать их о причинах, понимая, что случилось что-то трагическое, значение которого каким-то образом касается всех.

В дверях возникла фигура высокого военного в

летном комбинизоне.

- Товарищ генерал, разрешите мне вылет. Не верю я, что он погиб.

- Разрешите мне вылет.

Офицеры повернулись в сторону Двенадцатого, ожидая, какое он примет решение.

- Да поймите вы. Я и сам бы хотел верить, что он не погиб, - произнес он.

Двенадцатый усталым голосом. - Но горючее у него давно должно было закончиться. И с земли видели вспышку взрыва - прямое попадание.

Искры надежды, засветившиеся было в глазах офицеров, угасли. В кабинете вновь воцарилась тишина.

Офицеры разошлись лишь далеко за полночь, окончательно убедившись в том, что Чанба* не вернется на базу. Оставшись вдвоем с министром обороны, Ержиб коротко изложил ему события последних дней, и возможные, на его взгляд, варианты развития операции. Двенадцатый слушал его не перебивая и, когда Ержиб закончил доклад, устало вздохнул и сказал:

- Время уже позднее. Сейчас мы выпьем с тобой чаю и пойдем отдыхать. А завтра с утра пригласим начальника Генерального штаба и продумаем втроем детали предстоящей операции.

- ... Это принципиальная схема задуманной операции и успех ее будет зависеть от того, насколько точно мы просчитаем ее детали.

- Откуда у тебя такая уверенность в том, что противник примет нашу игру за чистую монету? - выразил сомнение начальник Генерального штаба.

- Подтверждение информации противник сможет

* Летчик майор О. Чанба погиб при выполнении боевого вылета.

получать из других источников, о которых мы может быть и не имеем представления. Суть ее сводится к тому, что мы будем давать чистую правду.

- А это не обернется против нас?

- Не должно. Дело в том, что эта информация будет правдивой, но она не будет представлять оперативный интерес по истечении очень короткого периода времени. Замысел операции строится на том, чтобы убедить противника в возможности использовать прослушку* сеансов радиосвязи между - Двенадцатым и Семнадцатым - в качестве источника информации. Больше всего я опасаюсь здесь того, что радиистаб фронты работают на этих же частотах, и присутствие рядом кабардинского батальона добровольцев может неосознанно поставить под удар исход всей операции, если они проявят интерес к содержанию наших сеансов радиосвязи. Ведь для опытного контрразведчика не составит труда увидеть в этом звено утечки информации.

- Это серьезная проблема. Но она разрешима. И мы еще подумаем над этим. Сейчас важно просчитать основу операции - создание канала дезинформации и суть самой дезинформации, под которую мы этот канал создаем. Получается как в конструировании оружия - сначала создают патрон, а уж затем под этот патрон конструируют само оружие. Несколько вольное сравнение, но довольно точно отражает наше положение. - улыбнулся в поседевшие, коротко подстриженные усы министр обороны.

Сандро шел по аллее к центру города. Он выходил уже из тени деревьев, когда двери расположенного на

* контроль эфира(воен. жарг.)

противоположной стороне улицы здания контрразведки открылись, выпуская на улицу пугливо озирающегося по сторонам человека неопределенных лет. Что-то знакомое показалось Сандро в фигуре этого человека. Он остановился, припоминая, где мог видеть его раньше. События и встречи последних дней и недель пронесли перед его глазами, как кадры ускоренной кинохроники. Тщетно. Незнакомец успел, между тем, быстро пересечь площадь и свернул направо, уходя по проулку к морю. Сандро замешкался, потеряв на этом несколько секунд. И, когда минутой позже он поравнялся с проулком и бросил мимолетный взгляд вправо, незнакомца и след простыл. Проулок был пуст. Не останавливаясь, Сандро прошел квартал, свернул налево и отправился домой.

Подходя к дому, Сандро инстинктивно почувствовал чье-то незримое присутствие. Почти как дыхание в затылок. Оглянувшись, он увидел метрах в тридцати за собой чью-то фигуру, быстро свернувшую в попавшуюся подворотню. Решение провериться пришло тотчас же. Сандро завернул за угол и, пройдя шагов двадцать, неожиданно развернулся и пошел в обратном направлении. На углу он столкнулся с незнакомцем, которого видел выходящим из здания контрразведки. "Где он успел сесть мне на хвост?" - подумал Сандро, проходя мимо оторопевшего на миг незнакомца. И тут он вспомнил где раньше видел этого человека. Тхина! Это было в Тхине. Их группа прилетела из Гудауты. А этот тип крутился тогда возле них. Так же суетливо озирался по сторонам, держась возле шумной компании военных, ничего не говоря и только слушая. И так же глупо, как и сейчас, всему улыбаясь. Сандро смазал его безразличным взглядом и прошел мимо. Беззаботно насвистывая мотив какой-то песенки, он не спеша отправился домой.

Ахрик Матцунба был на связи у старшего лейтенанта Ломинадзе больше месяца. Он выполнял поручения молодого контрразведчика, поставляя ему информацию о расположении позиций ополченцев, состоянии войск и тыла и возможных проникновениях диверсионных групп ополченцев и добровольцев в тылы войск Кодорской группировки. При общительном характере абхазов Ахрику не составляло большого труда получить интересующую его информацию. Главное было разговаривать собеседника, которого чаще всего распирало чувство собственной значимости от сознания обладания информацией, пусть даже незначительной, но эффектно выдаваемой: "Ора, ты только никому не говори, доверяю, как брату..." - начинал, обычно, собеседник, и дальше следовало подробное изложение всего мыслимого и немыслимого. Иногда эти откровения не стоили и выеденного яйца. Но за это платили. И основной мерой платы была жизнь, которую ему и его семье щедро гарантировало командование оккупационных войск в обмен на его предательство.

Склонность источников, выдавать желаемое за действительное, затрудняло Ахрику добывать правдивую информацию серьезного характера, и это осложнило в последнее время и без того сложные отношения со старшим лейтенантом Ломинадзе, который с каждым днем становился недоверчивей и требовательней к своему информатору. Ахрик начал побаиваться встреч с ним и не раз уже задумывался над тем чтобы не вернуться в Очамчиру и остаться в Члоу, или Ткуарчал. Но в заложниках продолжали оставаться его мать и жена с сыном. Так он и жил в вечном страхе среди тех, кто считал его другом и тех, кого страх заставил его выбрать в "друзья". Удача

пришла к нему неожиданно. Встретив в городе Сандро, он опознал в нем одного из разведчиков капитана Джанчиева, месяц назад прилетевших в Тхину из Гудауты. Ломинадзе, услышав об этом, на радостях подарил Ахрику золотую цепочку, выудив ее из замшевого мешочка, в котором хранились десятка два колец, перстней, сережек и цепочек.

- Еще кому-нибудь скажешь об этом - голову оторву, - пообещал тогда Ломинадзе Ахрику, покровительствуя похлопав его по плечу, и уехал в порт.

Это была их последняя встреча. Старший лейтенант Ломинадзе погиб часом позже с конвоем, который уничтожили диверсанты. Поначалу Ахрик растерялся, но потом повеселел - Ломинадзе больше нет, а с ним кончились и все его неприятности, сомнения и мучения. Но через неделю понял, что ошибся в своих предположениях, когда его неожиданно вызвали в отдел контрразведки.

Пышноусый капитан, с посеревшим от усталости и недосыпания лицом, одним своим видом разрушил все его мечты о мирной и спокойной жизни.

- Я просмотрел ваше личное дело, и теперь хотел бы прояснить для себя несколько вопросов, - начал он. - Скажите, где и когда вы в последний раз встречались со старшим лейтенантом Ломинадзе?

- Я... Я... - слова, казалось бы, застряли в горле. Ахрик тщетно пытался произнести что-либо вразумительное.

- Выпейте воды. Успокойтесь, - сказал мягче капитан, наливая ему в стакан воду из графина. - Мы ведь ни в чем вас не обвиняем. Мы только лишь хотим, чтобы вы помогли нам разобраться в случившемся.

Да, конечно... - стакан застучал по зубам. - Я видел его где-то за час до гибели, - добавил Ахрик, выпив воду и едва отдышавшись.

- Вы давно вернулись оттуда? О чем вы говорили с ним? Может быть он интересовался в этот раз вопросами, которые вы прежде не затрагивали?

В вопросах старшего лейтенанта Ломинадзе не было ничего необычного, если иметь в виду предыдущие встречи, - начал Ахрик, окончательно уверившись в мысли, что ему уже никогда не избавиться от этих контактов. - Наша последняя встреча была недолгой. Он очень торопился. Я только и успел сказать ему, что встретил в городе человека, которого видел раньше у абхазов...

- У абхазов? - насторожился капитан. - Так, так - это уже интересно.

Расскажите-ка об этом подробнее.

- Я не могу утверждать этого на все сто, - начал неуверенно Ахрик. - Человек, которого я видел в Тхине был иначе одет, с бородой, да и видел-то его один раз мельком. Тогда ночью их группа прилетела из Гудауты в Тхину... - прервался он, проверяя реакцию капитана на сказанное. Хотелось не продешевить. Расщедрился ведь его молодой предшественник на золотую цепочку. Но капитан молча уставился ему в глаза, и ждал с непроницаемым выражением лица. Ахрик глубоко вздохнул и продолжил: - Ломинадзе приказал мне тогда ничего не предпринимать, и никому больше об этом не говорить.

- А вы не встречали больше этого незнакомца из Тхины? Может быть выуже установили его?

- Мне известно только то, что он местный. Часто бывает в порту. Это племянник начальника порта, - выдохнул Ахрик: все-таки, не всегда инициатива наказуема.

- А почему вы решили, что видели у абхазов именно его?

- Очень похож. Хотя, я ведь говорил, что тот был с

бородой и иначе одет.

- Ладно, - вздохнул капитан, понимая, что больше из него уже не вытянуть. - Продолжайте за ним наблюдение, но будьте осторожны. И будете докладывать мне все. Только сюда больше не приходите. При необходимости позвоните по этому номеру. Идите.

Бледный свет ракеты выхватил из темноты ночи крутой излом проволочных заграждений, и, повисший на них изрешеченный пулями и осколками, труп абхазского ополченца. Он так и остался висеть там после вчерашней неудачной попытки абхазской штурмовой группы овладеть высотой. Парламентеры ополченцев дважды предлагали обменять тело убитого товарища на пленного гвардейца, но грузинское командование почему-то тянуло время, оставляя эти попытки без ответа.

Описав широкую дугу, ракета начала постепенно гаснуть. И через минуту ночь властвовала вновь, над заснеженным полем.

- Через час нас сменят, - сказал, ежась от холода, один из гвардейцев передового дозора. - Сразу поближе к печке и заваюсь спать. Я уже не верю, что когда-нибудь отогреюсь - настолько продрог.

Второй, склонившийся над пулеметом гвардеец, молча всматривался в темноту. Он словно не слышал о чем говорит его напарник.

- Ты что, вообще не чувствуешь холода, или замерз настолько, что уже и не дрожишь? - рассмеялся довольный своей шуткой - первый.

- Мы сидели с ним за одной партой, - ответил второй неожиданно, словно объясняя причину своей отчужденности.

- С кем сидел? Где? - по-своему понял его напарник.
- Днем я видел его в бинокль. Я узнал его. Это - Лорик Татба. После школы мы приходили обычно ко мне или к нему домой. Наши отцы работали вместе на шахте. А его бабушка всегда угощала нас вкусными пирогами...

- Нашел что вспомнить. - грубо оборвал его первый. - Следи лучше за передним краем. Не то дружки твоего одноклассника нам горло перережут. Не слышал разве, у них там какой-то отряд объявился? Северокавказцы.

- Почему наши не разрешили забрать его труп?

- У тебя что, крыша поехала? - взорвался первый.

- Нет. Я думаю о другом. Как получилось, что мы с ним стали вдруг врагами? Кому это было нужно?

- Ты вот что, кончай эти разговоры. Не то...

- Не надо меня пугать. Я сейчас пойду туда.

- Куда это "туда"?

- Я сниму с "колючки" его тело и отнесу к абхазским позициям. - ответил молодой гвардеец, выбираясь на бруствер.

- Стой! Не делай этого! - попытался остановить его напарник.

Резко очерченная на фоне снега, темная фигура молодого гвардейца направилась к колючей проволоке. Он уже подошел к висевшему на ней телу своего товарища, когда услышал срывающийся окрик напарника:

- Не делай этого! Вернись! Вернись, ...твою мать! Не вводи меня в грех!...

Но молодой гвардеец не ответил. Казалось, он не слышал своего напарника. Длинная пулеметная очередь прострочила в следующее мгновение тело молодого гвардейца, и он стал валиться вперед, повиснув на проволоке, рядом с телом своего друга...

"колючка" — заграждение из колючей проволоки (военн. жарг.)

Тревожное чувство ожидания беды заполнило Сандро. Оно угнетало, не давая сосредоточиться. Кофе давно остыл, а сигарета погасла сама по себе, оставив в пепельнице длинный, аккуратный столбик пепла. Сандро уже не сомневался в том, что встреча с незнакомцем из Тхины была не случайной. Вопрос состоял лишь в том, как долго они его уже "ведут"? Майор Харчилава застрелился. И, если он не оставил каких-либо записей, единственной уликой против него могут быть выходы рации в эфир. Но это в случае, если они смогли ее запеленговать. Нет, здесь все должно быть чисто. В этом он четко следовал инструкциям Ержиба - оба раза он был в эфире меньше минуты. Маловероятно, что они успели бы запеленговать его рацию в такой короткий промежуток времени. Остается незнакомец из Тхины. Неисключено, что он опознал Сандро. Иначе он не стал бы следить за ним. Надо уходить. Задачу свою он уже выполнил, и дальнейшее пребывание в городе зависело теперь от степени риска его отхода. По инструкции он должен был выждать какое-то время, пока все не успокоится после разгрома конвоя. Теперь же, если они плотно "сели на хвост", времени ждать не оставалось.

Сандро достал дипломат с рацией и привел ее в рабочее состояние, поставил на "передачу", и подключил магнитофон, предварительно записав на пленку текст, ничего не значащей информации. Затем он подсоединил всю эту систему к таймеру и поставил время - 18.00. Закончив эти приготовления, Сандро включил неприметную кнопку в дипломате, поставив всю систему на режим самоликвидации.

Темнело. Сандро выглянул на улицу из глубины комнаты, не подходя близко к окну. Улица была пустынна, но он не стал доверять кажущемуся

отсутствию опасности, и дождался сумерок. Занавесив окна, он включил свет в спальном комнате, привел собранную мину назад, передающую систему в рабочее состояние, и выбрался в сад через окно на кухне, не забыв прихватить с собой фотографию родителей. Крадучись, он перелез через ограду, и выбрался на улицу за квартал от своего дома. Держась в тени деревьев, Сандро быстро пошел к окраине города. Он не заметил, как от дома через улицу отделилась фигура человека и также держась противоположной стороны улицы, направилась следом за ним. На подходе к мосту Сандро остановился и посмотрел на часы - 18.05 - следовало торопиться. При хорошем раскладе у него оставалось около пяти минут, пока передатчик выдает в эфир магнитофонную запись - его информацию-приманку. Он переложил пистолет из подплечной кобуры в левый карман куртки - всегда под рукой - и пошел вдоль русла реки, не желая лишней встречи с патрулем или охраной моста. Приглушенный расстоянием, взрыв ударил где-то в центре города, там, где раньше стоял его дом. Сандро остановился, невольно посмотрел в сторону города. Какое-то движение в кустах заставило его насторожиться. Рука в кармане сжала рукоять пистолета. Он спрятался за деревом и стал ждать. Через минуту, в лунном свете, на тропе появилась, ставшая в последние дни его тенью, фигура незнакомца из Тхины. Притаившись, Сандро пропустил его вперед и, оказавшись за спиной своего преследователя, тихо окликнул его. Вздвогнув от неожиданности, преследователь обернулся и увидел, направленный в лицо пистолет. Закричать он уже не успел - его переносица провалилась под ударом пули, лицо залило кровью, и тело его начало медленно оседать на землю. Негромкий одинокий хлопок пистолетного выстрела потонул в рокоте речного потока...

Капитан Цитишвили отдал распоряжение - круглосуточно сторожить в эфире рацию, объявившуюся в городе в канун уничтожения конвоя. Она дважды выходила на связь со своим респондентом, но оба раза ее не удалось запеленговать - каждый раз рация работала в эфире меньше минуты. Остались только магнитофонные записи переговоров.

При внимательном изучении содержания этих записей переговоров, и сопоставлении указанных в них цифр, со временем прибытия в порт груза, отправки груза с территории порта и нападения на конвой, обнаружилась возможная причастность разыскиваемой рации к тем трагическим событиям. Следующим серьезным звеном стал Сандро. Ахрик Матцунба - пока не уверен, но опознал его как участника ополчения сепаратистов. Наружное наблюдение пока ничего не установило, но лейтенант Сулаквелидзе, бывший в день разгрома конвоя оперативным дежурным отдела контрразведки, сообщил, что майор Харчилава приглашал Сандро в отдел, и имел с ним непродолжительную беседу, в тайне от него проводил идентификацию номера его пистолета - с номером личного оружия майора Гурамишвили, погибшего при неизвестных обстоятельствах еще в первые недели войны. Проверить еще раз самому. Капитан Бурхадзе подтвердил факт присутствия Сандро в порту в этот день. Можно, конечно, арестовать его, но все улики пока косвенные и, можно сказать, малоубедительные. Единственный конкретный свидетель - Матцунба. Но даже он не может утверждать, что человек, которого он видел в Тхине и Сандро - одно и то же лицо. Допрос с пристрастием? Это тоже не дело. После таких допросов человек или сходит с ума, или готов признаться даже в том, чего не совершал. Нет! Надо выждать. Прижать его конкретными доказательствами.

Она лежала ничком на снегу. Ее руки были скручены за спиной алюминиевой проволокой. Подол ее изодранного в клочья платья был задран, обнажив посиневшие от холода бедра. Страх парализовал ее волю. Невидящими, полными ужаса глазами, она смотрела на молодых бородатых парней, в камуфлированной форме. Они прикатили, между тем, откуда-то старые автомобильные покрышки и начали складывать их одну на другую, образовав некое подобие колодца. Закончив приготовления, они подняли с земли женщину и втиснули ее внутрь этого сооружения так, что поверх покрышек остались видны только ее голова и плечи. Один из гвардейцев облил покрышки соляжкой из канистры, смачно выматерился и сказал: - "Замерзла, да? Ничего, сейчас согреешься, сука! Можешь считать, что это и есть твоя Голгофа." Она пришла в себя на какое-то мгновение. Она поняла смысл происходящего. Лицо ее стало спокойным - это конец надругательствам, унижениям и мучениям, - приняла происходящее как избавление.

Кто-то чиркнул зажигалкой и поднес горящую палку к краю, обильно политой соляжкой покрышки. Пламя вспыхнуло нехотя, лениво лизнуло поверхность колодца и переметнулось на волосы и одежду жертвы. К запаху жженной резины, примешался тошнотворный запах паленного мяса. Душераздирающий крик пронесся над пустырем. Один из гвардейцев не выдержал, сорвал с плеча свой автомат, длинной, захлебывающейся очередью разрядил его в колодец и отбежал в сторону. Тело его скорчилось, и из широко разинутого рта хлынула на землю мутная смесь вина и, непереваренной пищи.

Слабак! ... твою мать! Такое зрелище испортил. - сплюнул беззлобно кто-то из компании и отвернулся, чтобы не видеть мучения своего товарища ...

Станция сержанта Хайндрава стояла на дежурном приеме, на фиксированной волне работы неизвестного передатчика. В тесном помещении радиорубки было душно и накурено. Маленькая, распахнутая настежь форточка не справлялась с совместными табачными усилиями мужчин группы радиоперехвата, сосредоточенно прощупывавшими эфир антеннами своих мощных пеленгаторных станций.

Сержант Хайндрава потянулся к графину с водой, когда в наушниках вместо привычного шума радиопомех четко прозвучало: "...Рустем вызывает Семнадцатого..." Сержант Хайндрава отдернул руку от графина, как от раскаленной плиты. Действуя четко и быстро, без лишней суеты, он машинально отметил начало перехвата радиосеанса - 18.00, - и включил магнитофон.

- Пеленг! Давайте пеленг!

Радисты торопились, стремясь запеленговать рацию прежде, чем она вновь успеет выйти из эфира. Они были настолько увлечены своим делом, что никто из них не обратил внимания на то, что Семнадцатый не ответил Рустему, и передача шла, практически, в пустой эфир. "Что-то долго она сегодня торчит в эфире", - подумал сержант Хайндрава, отметив, что рация работает уже две минуты сорок секунд. Но желание запеленговать ее победило: "Еще немного. Еще несколько секунд. Только бы успеть!"

- Есть! - воскликнул лейтенант Кабаладзе, вычерчивая на карте-схеме последний штрих. В следующую минуту он схватил телефонную трубку и спешно набрал номер капитана Цитишвили: - "Господин капитан, Рустем вышел в эфир. Находится на связи уже больше трех минут. Запеленговали. Его координаты ... Это два квартала от центра города по улице Чантурия."

- Молодцы! - коротко бросил в трубку капитан

Цитишвили. Буду ходатайствовать о представлении вас к награде. Всю смену. Срочно пришлите ко мне текст радиоперехвата.

Капитан Цитишвили бросил трубку на рычаг и повернулся к карте-схеме города: "Улица Чантурия. Два квартала от центра. Да ведь это дом Сандро Анаселидзе!..." - обрадованно воскликнул он.

Тревожная группа выехала через одну минуту. На подъезде к дому Сандро ее встретили два топтуна. Они доложили, что фигурант вернулся домой два часа назад, и никуда больше не отлучался. Домой к нему никто не приходил. В одной из комнат горит свет. Каких-либо других признаков присутствия в доме людей нет.

Гвардейцы бесшумно открыли двери прихожей и вломились в дом. На столе в углу комнаты стояла раскрытая рация в рабочем режиме с подключенным к ней магнитофоном. Фигуранта в доме не оказалось.

- Ушел! - зло обронил один из гвардейцев и потянулся к клавише выключателя магнитофона.

- Ничего не трогать! - крикнул командир группы захвата, но было уже поздно. Гвардеец нажал клавишу выключателя магнитофона. Вспышка взрыва разметала по комнате бесформенные куски корпуса радиостанции и человеческие тела...

топтун - агент наружного наблюдения (жарг.)

ГУДАУТА. МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
ДВЕНАДЦАТОМУ
СЕКРЕТНО
СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Контакты вице-полковника Думбадзе носили, по всей видимости, целевой характер. От дальнейших встреч отказался, других контактеров не дал. В настоящее время переведен по службе с повышением и выехал В...

ОВР ВНОА "Гоуреев"

Из штаба батальона, прикрывающего Бедийское направление, пришло сообщение:

"Утром в 07.10 в расположение батальона вышел неизвестный человек лет тридцати. Себя назвать, отказался, но назвал пароль, и попросил соединить его с отделом военной разведки. При себе имел пистолет Макарова, две снаряженные обоймы к нему и гранату Ф-1. Задержан до выяснения личности."

Через десять минут в расположение батальона выехал Эдик. Он должен был идентифицировать Сандро (сообщение из батальона содержало пароль Сандро: "Очамчирский излом") и привезти его в Ткуарчал.

Возвращение Сандро несколько нарушило планы Ержиба. Он уже прорабатывал комбинацию с участием

Отдел военной разведки Восточного направления
обороны Абхазии

Сандро, на первом этапе, успешно легализовавшись в городе.

Но он также понимал, что Сандро не стал бы уходить из города без каких-либо причин на это. У него был выбор оставаться в городе или уходить после завершения операции "Контейнер", и его возвращение могло быть продиктовано только реальной угрозой провала.

После минутного раздумья, Ержиб связался по рации с капитаном Джанчиевым и пригласил его зайти в отдел:

- Не забудь захватить с собой пистолет крестника, - улыбнулся он в трубку, ясно представляя себе, как будет воспринято его сообщение.

- Он вернулся? - не скрыл своей радости капитан Джанчиев.

- Да. Будет здесь через час-полтора.

- Ребята обрадуются. Они уже спрашивали меня о нем. В общем, еду.

"Хорошие ребята, - подумал Ержиб. - Кто бы мог подумать до войны, что эти серьезные на вид мужчины способны на такую привязанность? Общая боль, постоянный риск и опасность смерти - и все это умещалось в одно понятие - фронтовая мужская дружба."

- ...В последнее время среди гвардейцев прошел слух о каком-то "жестоком кабардинце". В разговорах с ними мне удалось установить, что речь идет о вас, - закончил свой рассказ Сандро.

- Жестокий? - переспросил Ержиб. - Чем же я их так напугал?

Все рассмеялись.

- Да и на счет кабардинца они не совсем правы, - продолжил Ержиб. - Современные адыгейцы, черкесы

и кабардинцы - все мы - адыги. Это самоназвание народа. А определение "черкес" - это экзоэтноним - название, которое адыги получили от своих дальних и близких соседей. Эти определения, идущие из глубины веков. А современное разделение адыгов-черкесов на адыгейцев, черкесов и кабардинцев - это искусственный, идущий сверху сепаратизм, заперший нас в рамках трех новых этнических образований, разделив нас на три народа. Я не против того, что меня называют кабардинцем, но как вы могли понять из моих объяснений, это лишь часть некогда единого и большого народа, жившего на всем пространстве - от черноморского побережья в границах современных - Ставропольского и Краснодарского краев, Кабардино-Балкарской, Адыгейской и Карачаево-Черкесской республик.

Бойцы слушали его внимательно, но Ержиб не подал вида, что сообщение Сандро о "жестоком кабардинце" взволновало его. Определение "жестокий" могло быть лишь пропагандистским дополнением к проявленному противником интересу, к его персоне. Здесь все знали его как черкеса. Кабардинцем его могли окрестить только после перехватов его радиопереговоров с Двенадцатым. А то, что Двенадцатый - кабардинец знал уже весь мир. Общение с Двенадцатым на его родном языке могло послужить поводом назвать кабардинцем и Ержиба. А это было уже проявлением первых признаков того, что операция "Парада прима" начала приобретать реальные очертания. Расчеты Двенадцатого на то, что противник проявит интерес к сеансам радиосвязи между Двенадцатым и Семнадцатым оправдались. Теперь важно было установить насколько это серьезно. У противника было уже достаточно времени найти переводчика.

По имеющимся данным, в Сухуме до войны

проживали несколько адыгских семей. Установить, что с ними произошло пока не удалось, но проверкой установлено, что они не успели покинуть город и остались в оккупации. Противник сам мог попытаться установить их и привлечь к работе в качестве переводчиков. Но это пока версия, и нельзя исключать возможность использования для этой цели кандидатов со стороны. Такими возможностями противник располагает. Сейчас важно утвердиться в главном - что переводчик у них уже есть. И, если таковой уже есть, они могут, конечно, организовать круглосуточное дежурство переводчика на пункте радиоперехвата. Но это слишком накладно. Ержиб не "баловал" противника сеансами радиосвязи с Двенадцатым - всего два за эту неделю. Но переводчик может получать материалы радиоперехвата в записи, на магнитной ленте. Это уже ближе к истине. Теперь оставалось установить - есть ли у них переводчик.

- "Двенадцатый! Я - Семнадцатый. Как слышите? Прием.

- Я - Двенадцатый. Слышу тебя хорошо, Семнадцатый. Какие у тебя новости?

- Вернулся Крестник. Он был вынужден уйти из города. Сообщил, что в квадрате 19 - 44 расположен крупный склад оружия и боеприпасов.

- Понял. Какие у тебя планы по этой информации? Есть ли возможность захватить его?

- Сомневаюсь. Для этого понадобятся большие силы. Проще будет его уничтожить. Направляю на выполнение этого задания три группы с мощным вооружением. Они будут в состоянии уничтожить объект. Варианты отхода групп отрабатываю.

- Добро, Семнадцатый. Действуй. И держи меня в курсе событий. Конец связи".

Наличие информации в радиосообщении говорило о том, что майор Гоуреев обнаружил в поведении противника доказательства того, что их переговоры уже под контролем. Это означало, что в задуманной операции по дезинформации противника наметился определенный успех. И Двенадцатый подыграл Ержибу, дав добро на проведение диверсии в квадрате 19 - 44.

“ГУДАУТА МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
ДВЕНАДЦАТОМУ
СРОЧНО
СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Вернувшийся из города Сандро Анаселидзе сообщил, что солдаты противника окрестили Семнадцатого “жестоким кабардинцем”. Определение “кабардинец” дано ими, исходя из перехвата радиопереговоров Семнадцатого с Двенадцатым. Сейчас принимаю меры по установлению факта наличия у противника переводчика с кабардинским языком, и возможности использования им текстов радиоперехватов в качестве источника информации.

ОВР ВНОА Гоуреев”

Характер дезинформации будет определен предстоящей широкомасштабной операцией по разгрому оккупационных войск, и освобождению всей территории республики от агрессора. Общий план будет строиться на внезапности удара. А для того, чтобы обеспечить внезапность главного удара, важно будет убедить противника в том, что абхазская сторона не в состоянии больше продолжать боевые действия, и будет согласна на мирное урегулирование военной

проблемы, хотя создавшиеся условия принуждают к невыгодным для нее уступкам. Дать возможность "уйти" этой информации через рядовых агентов - проще простого. Но тогда она "пойдет" наверх, через низовые подразделения разведки, и не будет играть сколько-нибудь значительной роли для высшего военного и политического руководства Грузии. Важно будет убедить в этом человека, занимающего высокое положение в военном или политическом руководстве и обладающего реальной властью, чтобы его устами озвучить на высшем военном Совете саму суть готовящейся дезинформации.

Конспиративная квартира. Проверив плотно ли зашторены окна, Ержиб зажег свечу на столе. Неяркое пламя его выхватило из темноты строгое убранство комнаты: забитый книгами книжный шкаф, два глубоких кресла у камина, стол, несколько стульев вокруг него, мягкий ворсистый ковер на полу, и горка, заботливо приготовленных кем-то поленьев у камина. Ержиб зябко поежился при виде готовых поленьев и незажженного камина, как-то по особенному отразившему стылую тишину непротопленной комнаты. До встречи с Аметистом оставалось еще около часа. Не раздеваясь, Ержиб присел на корточки у камина, настругал штык-ножом щепки от полена, и через несколько минут камин запылал осторожным, постепенно набирающим силу пламенем. В баре, он отыскал оставленную с предыдущей встречи початую бутылку коньяка и банку растворимого кофе (привыкнув до приезда в Абхазию задолго до начала войны к растворимому кофе, Ержиб предпочитал его молотому натуральному). И, как дополнение к этой роскоши, свои неизменные сигареты "Camel" - спасибо жене - она присылала с каждой

вертушкой* небольшую посылку: кофе, сахар, сигареты и коньяк. Сахар Ержиб отдавал раненым в госпиталь или детям, а остального ему хватало до следующего рейса вертушки.

Огонь в камине занялся и, отстранив кочергой несколько прогоревших поленьев, Ержиб поставил на них, изрядно прокоптившийся на огне чайник. В дверь тихо постучали. По времени это должен был быть Аметист, но Ержиб приготовил оружие и открыл дверь левой рукой, в правой - автомат, со взведенным курком, и пальцем на спусковом крючке - не лишняя мера предосторожности. Невысокая фигура Аметиста шагнула в проем двери.

Это была внешне ничем непримечательная женщина лет тридцати. Черное платье, она носила траур по погибшим мужу и брату, несколько не портило ее откровенной женской красоты. Пугливо заколебавшееся от пахнувшего в дверь холодного ветра пламя свечи несмело осветило ее задумчивое лицо. Ержиб невольно залюбовался ею и вдруг поймал себя на мысли, что не хочет отправлять эту женщину на выполнение опасного задания за линией фронта - не женское это дело воевать. И, словно угадав его мысли, она взглянула на Ержиба и сказала: . - "Я получила сигнал срочного вызова. Едва смогла дождаться встречи. Вы понимаете, мне незачем лишний раз подтверждать свою готовность выполнить любое задание. Даже если его выполнение будет связано с риском для жизни. И прошу вас, поймите меня, это не просто слова. Это все, что у меня осталось в жизни - быть верной памяти мужа и брата, чтобы мне не было стыдно смотреть в лицо своим детям..."

- Вот именно, - перебил ее Ержиб. - Детям! Вы просто забыли о своих детях. Они тоже остались у вас в этой

* - вертолет (военн. жарг.)

жизни. И вы должны беречь себя для них. Другой вопрос - дело, которому мы служим. Садитесь ближе к огню. Согрейтесь. А я пока приготавливаю кофе.

Через минуту кофе был готов и, прихлебывая обжигающий напиток, Ержиб сказал:

- Задание ответственное. Вам предстоит работать в районе, к которому будет приковано особенное внимание контрразведки противника. Я выбрал вас для выполнения этого задания потому, что вы владеете грузинским языком и в паспорте у вас местная прописка. Это обеспечит вам прикрытие и возможность относительно свободно передвигаться. Остальное будет зависеть от вас.

- В чем заключается мое задание?

- Вы должны будете отслеживать действия оперативных групп военной контрразведки, и полиции противника, по организации охранных мероприятий военных и иных гражданских объектов, а также розыску, ими наших возможных диверсионных групп. И помните, никаких расспросов. Только визуальное наблюдение.

- Только и всего? А я думала, что на этот раз будет что-то более серьезное, - разочарованно заметила молодая женщина. - Я ведь не зря оговорила в самом начале, что готова выполнить любое серьезное и опасное задание.

- То, что вы будете делать и является частью большой и серьезной операции, успех которой будет зависеть оттого, как вы справитесь со своим заданием, оттого, как каждый из нас, задействованных в этой операции, выполнит то, что от него требует ситуация. А что касается опасности - никто из нас не гарантирован от случайностей и даже простые, на первый взгляд, проверки на контрольно-пропускных пунктах таят в себе массу непредсказуемых моментов для вас, что в конечном итоге и есть серьезная опасность. Не в

качестве наизидания, но вы должны обязательно следовать этому принципу: не расслабляйтесь. Разведчик никогда не должен допускать, чтобы у него притупилось чувство опасности...

Туман застоялся в распадке и белым озером, лениво плескался у подножия гор на фоне темной, еще не успевшей протопиться первыми лучами зимнего солнца, стылой дали горизонта. Массивная темная прохлада леса мягко шелестела кронами могучих деревьев. Маленькая группа вступила в эту, дышащую тысячами невидимых жизней, субстанцию и растворилась в ней, стала ее частью.

Капитан Джанчиев выбрал для проникновения на территорию противника самый сложный маршрут, чтобы избежать незапланированные, случайные контакты не только с армейскими подразделениями, но и гражданскими лицами. Никто не должен был знать о существовании группы. Он вел группу даже не взглянув на кроку*, настолько отпечатались в его памяти все фрагменты участка местности, по которой пролегал маршрут группы. Он должен был выйти скрытно в квадрат 19-47, и подготовить проведение по сигналу ряда диверсионных акций. Объекты диверсионных акций - Д-0743 и М-0743 - были подобраны и отработаны Семнадцатым в соответствии с перспективой развития, особо засекреченной операции командования. Высокая степень риска в выполнении самих акций заключалась в том, что у группы оставалось очень мало времени на отход после ее выполнения. И, чтобы свести риск к минимуму, было решено использовать радио-

* - чертеж участка местности, отражающий наиболее важные ее участки.

управляемые взрыватели. Это обеспечивало максимальное удаление группы от места акции и давало возможность, пользуясь "зеленкой"* выйти из района еще до того, как там окажутся поисковые группы противника.

Прощаясь перед выходом, Аскер пожал крепко руку Ержибу и сказал:

- Все будет хорошо. Не сомневайся. Только, на всякий случай, ну, ты знаешь мой адрес...

Утром следующего дня, на стол капитана Цитишвили легла расшифровка радиоперехвата сеанса связи Семнадцатого с Двенадцатым. Он перечитал несколько раз текст радиоперехвата, затем взял красный карандаш и подчеркнул в тексте слова "Двенадцатый", "Семнадцатый", "Крестник" и "объект в квадрате 19 - 44". И Двенадцатый, и Семнадцатый в идентификации уже не нуждались. Они были уже достаточно хорошо известны. Это были позывные министра обороны Абхазии и начальника военной разведки Восточного фронта. "Крестник" - это, скорее всего, Сандро Анаселидзе. Капитан Цитишвили чертыхнулся, вспомнив свои сомнения относительно необходимости ареста этого парня. Он ускользнул из-под носа, оставив после себя одного убитого и двух тяжелораненых гвардейцев. И еще этого идиота, у реки с пулей в голове, вместо мозгов. Итак, "Крестник" - это Сандро. Необходимо установить с кем он общался в городе. Этот идиот - начальник порта - только хнычет и твердит, что с Сандро они состоят в дальнем родстве. Никаких его дел и связей не знает. Кто еще из его родственников и знакомых остался в городе? Установить. Следующее -

* - "зеленка" - лес (воен. жарг.)

квадрат 19 - 44. Он определяется только на карте противника и не поддается расшифровке на картах штаба Кодорской группировки. Для этого необходимо иметь координатную сетку карт противника. Но, если проанализировать текст радиоперехвата, можно установить, что этот квадрат совпадает с местом расположения основной базы вооружения Кодорской группировки. Это довольно крупная база и охрана, вроде бы соответствующая. Но никакая охрана не может гарантировать от неожиданностей, особенно, если в акции будут задействованы диверсанты-профессионалы. Если верить перехвату, они могут появиться здесь в ближайшие два-три дня. Ориентировочно, численный состав этих групп будет пять-шесть человек с мощным вооружением: автоматы, пулеметы и гранатометы. Исключено, что эти группы будут действовать совместно. Но они будут согласовывать свои действия, или дублировать их, работая каждая в автономном режиме. Но вооружения этих групп будет недостаточно для крупномасштабной диверсии. Следовательно, или состав групп будет более мощным, или они рассчитывают на поддержку на месте. Однако, исходным следует считать, все таки, появление самих диверсионных групп. Необходимо организовать скрытые засады в местах возможного прохождения этих групп и на подступах к указанному в перехвате объекту. И усиленные подвижные патрули. Они будут достаточным дополнением к предельному режиму. Кажется все." Капитан Цитишвили встал из-за стола и прошелся по кабинету, обдумывая уже проект приказа по организации розыскных мероприятий и предельному режиму в зоне особого внимания.

- На связи Двенадцатый. Как у тебя дела, Семнадцатый?

- Мне не удалось, к сожалению, вывести свои группы к объектам. Поступила информация, что в соответствии с приказом командующего все подступы к объекту блокированы. Я не стал рисковать людьми.

-Что за приказ?

-Видимо, после разгрома конвоя они принимают дополнительные меры по охране важных объектов. Источник не смог выяснить точно сути этого приказа.

-Зря людьми не рискуй. Максимум осторожности. Конец связи."

Важным условием составления дезинформации является ее правдоподобность. Противник должен поверить в нее и не раскрыть при этом, истинного положения вещей. Если противник разгадает дезинформацию, она обернется против своих же войск. И еще. То, что сегодня актуально, завтра может потерять смысл и обернуться непоправимой ошибкой. Поэтому дезинформация должна носить долговременный характер и быть согласована с высшим руководством, чтобы исключить возможные перехлесты или нестыковки. Для организации качественной дезинформации важно придерживаться основных принципов: правдивости основы и исключения для противника возможности эффективного использования, полученной информации против наших войск.

"ТКУАРЧАЛ ОВР ВНОА ГОУРЕЕВУ
СРОЧНО

В квадрате особого внимания отмечено: принятие противником активных мер по блокированию дорог и

Парада прима

охране важных объектов, усиление режима паспортного контроля.

Аметист"

Информация об отмене диверсионной акции блекла перед той, которая свидетельствовала об осведомленности противника обо всем, что творится в штабе. Понадеявшись на момент истины, Семнадцатый допустил серьезный просчет - упоминание им в тексте перехвата одного лишь слова - "приказ" - открывает для Цитишвили присутствие в штабе, или где-то рядом активного звена утечки информации. Приказ по предельному режиму был, по сути, секретным и о нем мог знать только узкий круг лиц. "Источник не смог выяснить сути приказа", - прочитал Цитишвили еще раз отчеркнутую строчку в тексте радиоперехвата, - значит он не из этого круга, но стоит где-то рядом. И понадобится ряд сложных оперативных мероприятий, чтобы выявить его. Однако, уже сейчас необходимо определить ближайшее окружение офицеров, имевших отношение к этому приказу, и отработать несколько первоначальных версий.

“ТКУАРЧАЛ ОВР ВНОА ГОУРЕЕВУ
СРОЧНО СЕКРЕТНО

На южных подходах к объекту С-0743 установлены скрытые посты наблюдения.

Аметист"

Оставшись один, Ержиб достал из сейфа свой шифрблокнот и принялся кодировать шифрограмму для Двенадцатого. Это была таблица, которую он составил

для связи с Двенадцатым - перед вылетом на Восточный фронт. Ержиб составил ее в расчете на то, что, попав, при случае, в руки дешифровальщиков противника, шифрограмма, закодированная по этой схеме, стала бы практически недешифруемой. Составляя эту схему, он учел, что при дешифровке особое внимание уделяется, в первую очередь, повторяемости в тексте цифровых групп, которые могут обозначать наиболее повторяемые в языке гласные или согласные буквы. В разработанной схеме не было повторений, и одна и та же гласная или согласная могли отражаться в тексте различными цифровыми группами, что делало шифровки практически недешифруемыми. Была еще одна степень защиты - в шифровке давались пятизначные цифровые группы, которые при расшифровке следовало разбить на двузначные цифровые группы, а уже после этого подставлять буквенные обозначения в соответствии со схемой.

Соотношение сил изменилось. Вооруженные Силы Абхазии выросли качественно за последнее время. Затянувшаяся война выдвинула необходимость перестройки - структуры вооруженных формирований, строившихся на начальном этапе войны, на принципах ополчения. Теперь они строились на принципах регулярной армии. В войска начала поступать тяжелая техника. Появились боевые самолеты. В войне наступил коренной перелом. Оккупационные войска Госсвета Грузии вынуждены были перейти к пассивной обороне, в то время, как войска республики Абхазия - активизировали свои действия по освобождению оккупированной агрессором территории.

В соответствии с Московскими соглашениями от 3 сентября 1992 года: о прекращении боевых действий, и решении всех спорных вопросов за столом переговоров, была создана трехсторонняя комиссия в составе - представителей от России, Абхазии и Грузии. Встречи должны были проходить, соответственно, в Сочи, Сухуме и в Гудауте. Однако, подписав эти соглашения, грузинская сторона не прекратила боевых действий, а наоборот - активизировала их, стремясь воспользоваться выгодным оперативным положением, сложившимся к этому моменту в ее пользу: основные силы абхазских ополченцев были зажаты в междуречье Гумисты и Бзыби, а на перевалах Главного Кавказского Хребта выпал первый снег, лишив Абхазию военной поддержки со стороны добровольческих формирований Северного Кавказа. Вынужденная организовать контрмеры, абхазская сторона предприняла наступательную операцию Бзыбского фронта на Гагринском направлении. По времени, она совпала с намеченной в городе Сухум встречей. Войсковые группы подполковника Килба* - добровольца из Карачаево-Черкесии, освободили Гагры и стремительно продвигались в сторону границы с Россией, когда в Гудаутах на военном аэродроме в Бомборах, приземлились два вертолета российских ВВС, с членами комиссии от российской стороны во главе с Воробьевым и Сергеем Шойгу. Они взяли на борт представителей абхазской стороны - Сергея Шамба, Саида Таркил, Виктора Какалия и Олега Дамения - депутата абхазского парламента и вылетели в Сухум.

* Звание указано на тот период. Впоследствии полковник Килба командовал Западным (Гумистинским фронтом) и был заместителем министра обороны

В аэропорту Бабушары русскую и абхазскую делегации, прибывшие на переговоры, никто не встречал. Несколько подвыпивших гвардейцев забавлялись в стороне тем, что стреляли по пустым бочкам, громко комментируя свои успешные выстрелы и промахи. Попытки выяснить у них что-либо относительно предстоящей встречи, успехом не увенчались. Лишь когда Сергей Шойгу в приказном тоне повторил о необходимости доложить начальству о прибытии российской и абхазской делегаций, появился младший офицер, который заявил, что не имеет на этот счет никаких указаний, но он обязательно позвонит в Сухуми и все выяснит. Примерно через час на летном поле появился Джумбер Беташвили - член прогрузинского марионеточного правительства Абхазии - и тоже начал с того, что в Сухуми не имеют никакого представления, о предстоящей, якобы, встрече, но он сейчас же свяжется с Тбилиси и все прояснит.

Через полчаса он снова появился на летном поле и сообщил, что позвонил в Тбилиси, делегация уже вылетела оттуда и скоро будет здесь. "А пока, - весело добавил он, - мне поручено проводить вас в Сухуми, где вас уже ждут..." - и осекся, поняв, что проболтался.

В это время к ним подошел невысокого роста плотный мужчина средних лет и спросил: - "Абхазцы среди вас есть?" И, получив утвердительный ответ, он, ухмыльнувшись, продолжил: - «Я - полковник Майсурадзе*. Сейчас я подниму в воздух свою машину, и полечу бомбить ваш Ткварчели. Мы сотрем с лица земли само понятие «Абхазия»» - пьяно расхохотался он и направился к своему экипажу. Не прошло и пяти

* Майсурадзе - печально прославившийся своими бандитскими расстрелами мирных людей летчик. Сбит на Восточном фронте.

минут, когда над автобусами, куда пересаживали российскую и абхазскую делегации, с грохотом пролетели два "крокодила"* и стали удаляться в сторону гор с набором высоты.

На подъезде к Сталинской даче, где было намечено проведение встречи, автобусы попали в живой коридор из гвардейцев, размахивавших оружием, национальными флагами и, сотрясавших воздух выкриками: - "Сакартвело" и "Позор абхазским сепаратистам"!

В зале заседания их ожидали представители грузинской стороны, которые "...уже вылетели из Тбилиси и должны были вот-вот прибыть в Сухуми." Китовани, Сигуа, Надареишвили, Ломинадзе - все были здесь и, вместо обычного, полагающегося в подобных случаях взаимного приветствия, Надареишвили начал с того, что заявил официальный протест в связи с "...нарушением абхазскими сепаратистами условий мирного Соглашения, и возобновлением сепаратистами в одностороннем порядке боевых действий." Его эмоциональный настрой послужил как бы сигналом к необходимости выплеснуть аналогичный протест, каждому из присутствующих на встрече от грузинской стороны - участников встречи. Но, лишь только закончилась волна протестов, как разразилась новая волна - взаимных угроз грузинской и абхазской делегаций: - "Я сейчас же позвоню в Тбилиси и отдам приказ авиации разбомбить Гудауту!" - грозно заявил Китовани. "Батоно, Китовани, зачем авиация? - обеспокоено вскочил со своего места какой-то генерал с бритой наголо, круглой, как бильярдный шар, головой. - Я сейчас позвоню в свой штаб, и через два часа Гудауты будут два метра ниже моря." "А я, - не

* "крокодил"- боевой вертолет "Ми-24"

выдержал Виктор Какалия, - позвоню в Гудауту, подниму авиацию,* и отдам приказ бомбить Тбилиси." Члены российской делегации терпеливо наблюдали картину этих препирательств. Наконец, Сергей Шойгу улыбнулся и заметил: "Ей Богу, это несерьезно. Вы что, думаете мы - мальчики с улицы и нам некуда позвонить, и у нас нет ничего, что можно было бы поднять в воздух? Хватит заниматься ерундой. Давайте делом займемся. И так уже столько времени потеряли." Его иронично-задорное замечание охладило пыл, разгоряченных взаимными упреками, дипломатов, но переговоры так и не состоялись - стороны не пришли к какому-либо конкретному заключению - отметили только факт, состоявшейся встречи. А через два дня, абхазские вооруженные формирования вышли к границе с Россией на реке - Псоу.

Ержиб узнал о подробностях этой встречи из рассказов Олега Дамения - участника этих переговоров. Особенно запомнилась ему фраза, которую Олег Дамения обронил, говоря о генерале с бритой головой: "...У них генералов, как у нас майоров..." Ержиб невольно взглянул тогда на свои погоны, на которых красовались майорские звезды. Перехватив его взгляд, Олег Дамения поспешил оговориться тогда: "Ержиб, дорогой, поверьте, я не имел вас в виду." Оба рассмеялись, понимая комичность ситуации. И сейчас, вспоминая о том периоде войны, Ержиб видел ту разницу, которая произошла в последнее время. Абхазские Вооруженные Силы выросли и окрепли настолько, что могли решать серьезные боевые задачи. Окрепили, но не настолько, чтобы сокрушить военную машину оккупационных войск Госсовета Грузии. Для этого требовалось еще время.

* в описываемый период у Абхазии не было своей авиации.

Для этого требовалось накопить мощные боевые резервы. А решить этот вопрос без собственной производственной базы, на данном этапе, представлялось невозможным. Необходимо было найти другие пути решения этой проблемы.

Сообщив Двенадцатому о подготовке диверсионной акции, он и не собирался направлять диверсионные группы на уничтожение объекта С-0743 в квадрате 19 - 44. Указав во время сеанса радиосвязи с Двенадцатым, предполагаемый объект диверсии, место его нахождения - квадрат 19 - 44; он приоткрывал для противника систему кодирования своей оперативной карты. Упоминание в следующих сеансах радиосвязи еще нескольких объектов, с определением их координат дадут противнику возможность восстановить всю карту и обеспечат ему возможность самому сложить общую картину из мозаики обрывочной информации, которую он будет черпать из текстов радиоперехватов. И этой информации он будет верить больше, чем если пытаться что-либо подсказать ему со стороны. Потому, что это будет результат его собственного поиска, это - его труд. Данная схема была первым этапом радиоигры, задуманной для дезинформации противника. Теперь, если противник предпримет конкретные мероприятия, по блокированию указанного объекта, можно будет считать, что первый этап операции "Парада прима" завершился; - противник взял под свой контроль канал радиосвязи Двенадцатого с Семнадцатым и использует его в качестве источника информации.

Расшифровки, поступившие на имя Цитишвили из Главного управления прояснили, для него и без того.

казалось бы, ясную ситуацию, сложившуюся здесь к моменту его прибытия в город. Он встал из-за стола, и прошелся по кабинету, прикурил сигарету, но тут же смял ее в пепельнице, поднял зачем-то телефонную трубку, бесцельно подержал ее и снова положил на рычаг. Его мысленному взору предстала вдруг, полная картина происходящего: в глубоком оперативном тылу войск действует в окружении мощный фронт противника, который приковал к себе силы армейского корпуса. В канун начала операции по уничтожению этого, так называемого, Восточного фронта, назначенной на конец декабря, здесь появляется неизвестный доселе Семнадцатый. Его приезд отмечен активизацией разведывательно-диверсионной деятельности противника. За это же время Семнадцатый имел несколько сеансов радиосвязи с Двенадцатым, и только однажды он прибегнул к кабардинскому языку. Позже он еще раз воспользовался этим приемом. Расшифровки этих двух перехватов показывают, что Семнадцатый пользовался кабардинским языком только при необходимости - срочно передать Двенадцатому важную информацию. Важность информации, содержавшейся в обоих текстах перехвата, подтверждается их содержанием. Если бы в них содержалась какая-то доля дезинформации, можно было бы заподозрить игру. Но вся информация обоих перехватов соответствует действительности - значит противник уверен в неуязвимости приема с кабардинским языком или же не считается с возможностью запоздалой расшифровки, которая уже не будет иметь каких-либо значительных последствий. Это уже успех - при условии оперативной обработки информации - могут открыться широкие возможности активного противодействия разведке противника.

Начальнику управления нравился этот молодой капитан, хотя поначалу относился к его переводу с явным неодобрением - молодой еще, а уже капитан. Ему не доводилось раньше встречаться с ним, или слышать о нем. "Видимо, какой-нибудь выдвигенец, или имеет своего покровителя где-то там, наверху. Но время покажет," - подумал он тогда о капитане. Однако, присмотревшись к его работе, понял, что ошибался в нем, хотя бы в плане оценки капитана Цитишвили, как креатуры какого-нибудь высокопоставленного чинуши. Капитан обладал цепкой оперативной хваткой, и способностью к аналитическому мышлению.

Самолет-разведчик СР-71 вылетал с базы ВВС в Англии. В северных широтах на траверсе Архангельска он проводил дозаправку в воздухе, проходил Кольский полуостров, и в районе Новой земли, над нейтральными водами, уходил с набором высоты в сторону Северного полюса. Оттуда, совершив боевой разворот на высоте около 27 тысяч метров, он устремлялся под прямым углом к государственной границе СССР со скоростью 3200-3300 км/час. Всполошив все службы ПВО, он сворачивал у самой границы и уходил безнаказанно на свою базу. Каждый такой полет, кроме того, что он был направлен на накопление разведывательной информации - определение рабочих частот, систему взаимодействия средств РЭБ* и ПВО**, координаты РЛС*** - он буквально терроризировал летчиков полка ПВО своим нахальством и безнаказанностью. Генерал

*ПВО - противовоздушная оборона.

**РЭБ - средства радиоэлектронной борьбы.

*** РЛС - радиолокационная станция.

- тогда еще командир этого полка МИГ-25 - высотных истребителей-перехватчиков ПВО СССР, долго ломал голову над тем, как пресечь эти полеты. Наконец, как итог долгих бессонных ночей, он предложил командованию ПВО дерзкий по замыслу план. С основной базы полка истребителей-перехватчиков, расположенной в Обозорской под Архангельском, на Кольский полуостров в Мончегорск вылетела группа боевых машин. Полет проходил на предельно малой высоте, в режиме переменного профиля*, чтобы лишить РЛС НАТО возможности определить количество машин, совершивших боевой вылет. В этом и крылся секрет замысла - на Кольский полуостров вылетели десять истребителей-перехватчиков, а на основную базу вернулись только восемь. Такой же полет был совершен и в Нарьян Мар под Новой Землей. В результате на аэродромах маневра - на исходных рубежах засады - затаились четыре истребителя-перехватчика, образовав своеобразные клещи. Они и встретили неожиданно СР-71 на подходе к северным широтам, в районе его дозаправки. Маневры истребителей-перехватчиков лишили СР-71 возможности дозаправиться, и он вынужден был с минимальным запасом топлива убраться восвояси, из района выполнения разведывательного полета, под жесткой опекой четырех истребителей-перехватчиков, и вернуться на свою базу на пределе возможного. Самолет-разведчик не появлялся больше в этом районе.

Генерал улыбнулся своим воспоминаниям. Да, тогда все было значительно проще. Мощная государственная машина СССР обеспечивала на высоком уровне,

**переменный профиль - выполнение полета на предельно малой высоте с повторением излома рельефа местности.*

практически все стороны деятельности, по организации безопасности своих рубежей. Как теперь достичь минимального обеспечения боевых операций, против технически хорошо оснащенных оккупационных войск Госсовета Грузии? Только, если ввести противника в заблуждение относительно планов и возможностей своих войск. Он прошелся по кабинету, вытащил из пачки новую сигарету, но прикуривать не стал. Преодолев желание закурить, он смял сигарету в пепельнице и отошел к окну. "Кажется настала пора воспользоваться каналом дезинформации, который создавался в течение последних нескольких месяцев и уже опробован в действии," - принял он решение.

Операция "Парада прима" вступила в завершающую стадию.

На мраморных колоннах Георгиевского Зала золотом начертаны имена георгиевских кавалеров. Запись велась до 1917 года. Эти колонны сохранили в золоте имена полковника Атажукина (Измаил-Бея) - дальнего родственника по отцовской линии и генерал-майора Хату Анзорова - прадеда по материнской линии Двенадцатого.

Измаил-бей, описанный в одноименной поэме М.Ю.Лермонтова, был известен не только как военный, но и трезвый, дальновидный политик. Будучи близким к князю Потемкину, он предложил в свое время план мирного присоединения Черкесии к России. В своем проекте он рассматривал адыгскую территорию как плацдарм для дальнейшего продвижения России в Закавказье. Зная мощный людской - 36-миллионное население - и экономический потенциал России, он предостерегал, в свою очередь, и черкесов от войны с Россией. Однако, два фактора предопределили уже

неизбежность войны - сами адыги были против вхождения в состав России, и приход после Потемкина Аракчеева, реакционная политика которого исключала возможность мирного присоединения черкесов к России, признавая возможность овладения Кавказом только военным путем.

Потомок древнейшего и влиятельного княжеского рода, берущего свое начало от Инала, Двенадцатый унаследовал от своих знаменитых предков истинно княжеское благородство и военный талант.

Двенадцатый отдал службе в Вооруженных Силах тридцать лет, пройдя путь от курсанта военного авиационного училища до полковника ВС СССР. Окончив Академию Генерального штаба имени Г.К.Жукова, он командовал полком истребителей-перехватчиков, а позже был начальником учебного центра. Дважды его представляли к генеральскому званию, но оба раза представления не проходили по пятой графе*. В 1985 году ему было присвоено звание "Заслуженный военный летчик СССР"** . Но лишь здесь, на войне в Абхазии, полностью раскрылся его полководческий талант. В кратчайшие сроки была организована жесткая оборона, сумевшая противостоять численно и качественно превосходящим силам противника. И присвоение ему звания - генерал-майора было не столько выражением благодарности народа, доверившего ему свою судьбу, сколько признанием его полководческого таланта.

Двенадцатый часто задавался вопросом, в чем

*имеется в виду пятая графа паспорта гражданина СССР - национальность.

** всего в СССР на этот период звание "Заслуженный военный летчик СССР" было присвоено только 812 летчикам.

кроются истоки этой войны, как получилось, что на всем постсоветском пространстве выплеснулись наружу бредовые идеи национального превосходства, ставшие причиной стольких локальных межэтнических "разборок". И, если взять, к примеру, кабардинцев и грузин, оказавшихся сегодня по разные стороны баррикад, грузинские летописцы сохранили для потомков примеры их боевого содружества,* имевшие место в прошлых веках. И сегодня адыги остались верны своим вековым традициям - они пришли на помощь абхазам, потому что правда на их стороне.

Совещание проходило в обстановке строжайшей секретности. В его работе принимали участие только три человека - президент** - он же главнокомандующий, министр обороны и начальник Генерального штаба. Обсуждался вопрос организации дальнейших мероприятий по обороне республики и освобождению на перспективу ее столицы - города Сухум. После неудачных - январского и мартовского - наступательных операций***, предпринятых абхазскими вооруженными

**Военно-грузинская дорога проходила по территории кабардинского князя Кази-бека, сестра которого была замужем за Вахтангом-У1 - царем Картли. В критической для Грузии ситуации Кази-бек привел свое войско через перевалы и помог Вахтангу отразить военную агрессию. В честь этой победы его именем была названа вторая после Эльбруса вершина Кавказа - Казбек.*

*** во время войны в Абхазии был Председатель Верховного Совета, но уже тогда все называли его за глаза "президентом".*

*** январское и мартовское наступления абхазских войска на Гумисте вошли в историю войны как самые трагические ее страницы.*

силами на Гумистинском фронте, следовало перестроить саму систему взглядов на военные проблемы республики. Отказ от ополчения - военно-организационной формы периода начала войны, и переход к структуре регулярной армии вывел вооруженные силы на качественно новый уровень. Выросла дисциплина, стабилизировались многие вопросы снабжения и обеспечения нужд армии и войсковых операций. Однако, стало ясно, что война приняла уже затяжной характер, а это требовало больших людских и материальных ресурсов, которых у Абхазии практически не было.

- Продолжение практики бесперспективных наступательных операций приведет не только к ощутимым людским потерям, но и к общему падению морального и боевого духа армии и народа. Это проблема, игнорировать которую мы не только не можем, но и не имеем права, - начал совещание президент.

- Важно учесть и то, что наши неудачи убедили противника в неприступности своих рубежей и подняли его боевой дух. Но кроме этого следует отметить одну особенность, - продолжил его мысль начальник Генерального штаба, - как только мы создаем реальную угрозу прорыва обороны оккупационных войск, русские перекрывают все пути поступления нам оружия, боеприпасов и иного другого военного снаряжения, без которых мы не в состоянии развить успех. Сейчас, к примеру, партия боеприпасов для нас застряла в одном из черноморских портов. Необходимо ускорить как-то ее прибытие. Того резерва, что у нас есть, хватит ненадолго.

- Нас загоняют в угол, не оставляя ничего, кроме как идти на мирные переговоры, хотя эти переговоры невыгодны для нас на данном этапе. Сторонних

политиков мало интересует, что при их раскладе* каждый день будет приносить нам десятки жертв как с грузинской, так и с абхазской стороны. Согласиться с их условиями - это получить у себя второй Ливан. Мы не можем допустить, чтобы в относительно мирных условиях, граждане нашей республики резали бы по ночам друг другу глотки по национальному признаку. Мирное урегулирование в условиях военного противостояния - невозможно. Мы должны решить наши проблемы только одним путем - военным. Мы должны победить. У нас нет иного выбора. - Президент прервался, как бы давая обоим собеседникам осмыслить сказанное, и, выждав минуту, продолжил: - При этом, нам необходимо идти на эти переговоры, чтобы выиграть время, и суметь основательно подготовиться к решающему штурму.

- Сам факт нашего участия в этих переговорах должен усыпить бдительность в первую очередь русских, - высказал свое мнение министр обороны.

- Это правильно, потому что Россия не заинтересована допустить победу Абхазии над Грузией в этой войне. В представлении многих российских политиков это может послужить примером центробежных настроений для Северо-Кавказских республик.

- Но это ведь политический нонсенс! - не удержался начальник Генерального штаба. - Чечня уже определилась**, а адыгские республики не строят планов выхода из состава России. Более того, мы ведь сами хотим вернуться в состав России, как это уже было в прошлом веке.

*имеется в виду предложенный на тот период план урегулирования

** имеется ввиду период времени начала 90-х годов

- Все это куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В России нет сейчас единства политических взглядов. И, во имя достижения своих целей, определенным кругам выгодно время от времени разыгрывать черкесскую карту, распуская слухи о Великой Черкесии. В этих условиях необоснованная боязнь потерять Северный Кавказ заставляет многих российских политиков иначе подходить к самой абхазской проблеме, - вздохнул озабоченно президент.

- Политические вопросы требуют, конечно, основательной проработки. Но не следует забывать необходимости перестроить отношение к военной стороне вопроса. Неоднократные попытки освободить Сухум привели к качественному укреплению обороны войск Госсовета на Гумистинском рубеже, - продолжил тему совещания министр обороны.

- Какие у вас предложения по этому вопросу? - обратился к генералам президент.

- Необходимо задействовать в операции по освобождению столицы - силы Восточного фронта... - начал министр обороны.

- Но здесь большое удаление от основного театра военных действий.

Кроме этого, Восточный фронт испытывает острый недостаток оружия и отсутствие мобильных средств транспортировки и связи, - попытался возразить начальник Генерального штаба.

- Оружие, продовольствие и другое недостающее снаряжение, можно будет закачать в этот район в достаточном количестве в ходе десантной операции. Людскими резервами фронт располагает. А укрепление Восточного фронта и создание на его основе мощной ударной группы войск, которые будут действовать на тыловых коммуникациях противника, лишит обороняющую город его группировку - маневра и, что

очень важно для нас, подпитки из собственно Грузии. - Министр обороны подошел к карте: - Для этого Восточный фронт рассечет неожиданным ударом оборону Кодорской группировки и своим левым крылом блокирует Очамчиру, закрыв противнику пути подпитки свежими резервами войска, удерживающие Сухум. Правое крыло Восточного фронта развернет наступление на Сухумском направлении, угрожая обороняющим город, войскам Госсовета замкнуть кольцо окружения. Противник вынужден будет развернуть значительную часть своих сил навстречу этой ударной группе войск и ослабит этим позиции на Гумисте. Это будет сигналом к началу наступления на Гумистинском фронте - в операции по освобождению Сухума. Противник будет вынужден рассредоточить свои силы на этих направлениях, пытаясь определить направление главного удара. Однако, главные удары будут нанесены ему позже и последовательно - на флангах и в глубину. Их основная цель - захват господствующих высот, и завершение окружения, обороняющих Сухум войск противника.

- Но, насколько я понимаю, всем этим действиям должна предшествовать большая работа по дезинформации противника относительно наших планов. - завершил слова министра обороны - президент.

- Мы уже думали над этим вопросом с начальником Генерального штаба. Основным и непреложным условием успешного претворения в жизнь этих планов является - наша готовность идти на мирные переговоры. Это дает нам время на подготовку широкомасштабной наступательной операции. Следующим моментом является - выполнение условия переговоров по выводу из Абхазии всех добровольческих формирований. И это необходимо сделать с помпой, чтобы ни у кого не

оставалось сомнений относительно наших мирных намерений и планов. Но до начала этих мероприятий мы должны дать противнику возможность узнать о наших планах и не только о них...

- Как это?.. - не сразу понял президент.

- Противник должен узнать о наших планах значительно раньше, чем мы начнем их претворение в жизнь, чтобы иметь возможность сравнивать полученную информацию с действиями, которые мы будем предпринимать. Информация пройдет через канал, который мы создаем уже на протяжении нескольких месяцев, и даже опробован в действии. Информация о нашей готовности идти на переговоры пойдет в контексте того, что мы вынуждены идти на эти переговоры вследствие невозможности продолжать боевые действия - резервов нет, народ устал и не в состоянии пережить вторую военную зиму. Комплекс этих мер убедит противника в положительном для себя исходе дел. Детали мы доработаем.

- Недаром вас в народе называют двумя хитрыми генералами. - улыбнулся президент. - Расскажите об этом канале дезинформации более подробно...

- Какая у тебя обстановка, Семнадцатый?

- Позиции Бедийского батальона занимают крайне невыгодное положение. Пришлите мне несколько управляемых снарядов ПТУРС*, чтобы уничтожить артбатарею на Мешвельской сопке. Она их сильно беспокоит.

- Пришлю ближайшим рейсом. Что еще?

- Выслал диверсионную группу в квадрат 19-47. Они

* ПТУРС - противотанковый управляемый реактивный снаряд.

имеют задание обработать два объекта. Итоги сообщу дополнительно.

- Все понял. Конец связи."

Квадрат 19-47, - где это может находиться? Капитан Цитишвили подошел к карте, и очертил на ней участок местности с центром в квадрате расположения базы артвооружения, обозначенным в тексте перехвата как "квадрат 19-44". Южное направление отпало само по себе, оно приходилось на морское пространство. Следовательно, искомый квадрат мог находиться в оставшихся трех направлениях. А какие объекты могут привлечь здесь внимание противника? Северное направление упирается в район боевого соприкосновения. Маловероятно, чтобы противник планировал бы здесь проведение каких-либо террористических актов. Это, как правило, район действия войсковой разведки по выявлению огневых средств или захвату языка. Но не будут ведь они информировать Двенадцатого обо всех незначительных эпизодах. Значит, северное направление - как серьезная версия - пока отпадает. С запада на восток тянется ветка железной дороги. На обоих направлениях от квадрата 19-44 она имеет стратегическое значение. Это относится и к бетонке. В предполагаемых квадратах, на обоих направлениях, отмечается наличие мостов через небольшие реки и овраги. Их подрыв может остановить на время транспортное обеспечение войск на рокадных направлениях. Поэтому, вероятнее всего, что квадрат предполагаемой диверсии, обозначенный на карте противника как "квадрат 19-47" может быть идентифицирован на наших картах: в районах бетонки, железнодорожного полотна, и мостов на отрезках магистрали - к западу и востоку от города. И, если это

неотвлекательный ход противника, то именно на этих отрезках следует ожидать появления его групп.

Капитан Цитишвили поднял трубку, собираясь позвонить командующему Кодорской группировкой, но передумал - где-то в штабе, или рядом со штабом, затаился крот, и пока он не вытащит его из норы надо действовать с поправкой на его присутствие. Он положил трубку на рычаг, и приказал дежурному срочно пригласить к нему капитана Бурхадзе. "Пока будет достаточно его роты", - подумал он.

Капитан Бурхадзе выехал с первым взводом, в предполагаемый квадрат, на восточном направлении. Он собирался сам определить подступы к объекту, и расставить боевое охранение. Сверившись с картой, - до конечного пункта оставалось около двух километров - он приказал водителю остановиться на небольшом взгорке, откуда открывалась панорама местности. Небольшая колонна его из пяти "уазиков" остановилась, и офицеры из них заторопились к нему, на ходу раскрывая свои планшеты. Собрав всех командиров групп, капитан Бурхадзе начал знакомить их с оперативной обстановкой, и тут они увидели взрыв. Грохот его донесся секундами позже. Балки и опоры железнодорожного моста приподнялись на какое-то мгновение, и, поддерживаемые месивом огня дыма и пыли, медленно осели вниз.

Капитан Бурхадзе оценил ситуацию мгновенно. Он приказал развернуть взвод в цепь и под прикрытием двух пулеметов начал продвигаться в направлении лесного массива, в стороне от железнодорожного полотна. Они были уже недалеко от опушки, когда продвижение группы было остановлено огнем из засады. Двое гвардейцев упали, подкошенные первыми

автоматными очередями. Остальные залегли и открыли ответный огонь.

- Семнадцатый вызывает Мангуста.
- Мангуст на связи.
- Объекты Д-0743 и М-0743.
- Принято: объекты Д-0743 и М-0743.
- Конец связи."

С пометкой "СРОЧНО" служба радиоперехвата прислала капитану Цитишвили расшифровку перехвата переговоров Семнадцатого с новым респондентом. Засечь место нахождения респондента не удалось - рации работали в эфире всего 20 секунд. Капитан похвалил связистов за оперативность, отпустил посыльного и принялся сопоставлять данные обоих перехватов.

Получив подтверждение задания, капитан Джанчиев вывел группу к железнодорожному полотну. Он знал, что с момента получения сигнала у него будет 40-45 минут до того, как к месту диверсии могут прибыть первые группы. Он оставил на направлении возможного появления розыскной группы противника Аслана-кабардинца и Аслана-чеченца, предупредив их, чтобы они отходили после подрыва моста в квадрат 7 и вышел с лейтенантом Сабанчиевым к мосту на железнодорожной ветке, обозначенному в радиосообщении как объект М-0743. Быстро заложив несколько зарядов под опоры моста капитан Джанчиев и лейтенант Сабанчиев провели последовательное подсоединение взрывателей к источнику и, укрываясь в прибрежных зарослях, отошли от моста на безопасное

расстояние.

- Пора! - коротко обронил Аскер, посмотрев на часы и Роберт повернул ключ взрывателя. Взрыв поднял фермы моста и ударил упругой взрывной волной по барабанным перепонкам.

- Все! Отходим. Мы выполнили свою задачу, - крикнул Аскер, и они заспешили к лесу. В это время сторона, где они оставили прикрытие, взорвалась автоматными очередями...

- Какого черта! Почему вы открыли огонь? - крикнул в переговорное устройство Аскер.

- Не понимаю. Они ведь должны были оповестить нас о появлении противника и уходить к месту сбора, - согласился с ним Роберт.

Они выбрались на берег, и увидели в полукилометре цепочку солдат, полукругом охвативших место засады.

- Я пойду к ним, - сказал Роберт, передернув затвор своего автомата.

- Если идти, то вместе, - возразил Аскер. - Приготовь "муху"!*

Впереди раздались снова автоматные очереди, и они увидели отходящих к лесу товарищей. Они прикрывали друг друга, отсекая автоматными очередями преследующих их гвардейцев.

- Чеченец ранен. Всем нам не уйти. Отходите. Мы прикроем, - ожило вдруг, молчавшее до сих пор, переговорное устройство.

- Мы скоро будем рядом. Держитесь... - попытался поддержать товарищей Аскер.

- Они вокруг нас. Наседают со всех сторон. Отходите! - уже крикнул Аслан-кабардинец. - Мы прикрываем.

* "муха" - одноразовый гранатомет РПГ-22

Конец связи!

Аскер опустил руку с переговорным устройством и нерешительно остановился.

- Почему мы остановились? - спросил Роберт.

- К сожалению, он прав, - тяжело вздохнул Аскер. - Всем нам не уйти.

- Я пойду к ним...

- Никуда ты не пойдешь! - отрезал Аскер.

- Ты не можешь мне запретить...

- Не могу. Может быть ты и прав. Я и сам переживаю не меньше твоего. Но ты пойми, мы еще не выполнили задание. У нас есть еще один объект.

Они скатились в овраг и побежали к лесу. Слева на месте боя прогремело несколько разрывов ручных гранат и последовавшее секундное затишье, после взрывов было нарушено, приглушенными расстоянием хлопками pistolетных выстрелов...

- Мангуст вызывает Семнадцатого.

- Семнадцатый на связи.

- Отработал объект М-0743. Имею потери.

- Кто?

- Аслан-два-Аслан...

- Объект Д-0743 отменяю. Возвращайтесь на базу. Конец связи."

“ТКУАРЧАЛ ОВР ВНОА ГОУРЕЕВУ

По сообщению офицера военной полиции, подразделения охраны тыла и полиции, были высланы в районы... для организации охраны железной дороги и мостов. Вслед за их отъездом поступило сообщение - о диверсии на железной дороге и подрыве моста.

Сообщается о гибели двух диверсантов.

Аметист"

"Начальнику Главного управления контрразведки
Секретно

Службой радиоперехвата Кодорского отдела военной контрразведки, установлен канал радиосвязи Семнадцатого с Двенадцатым. Двенадцатый - позывной министра обороны абхазских Вооруженных Сил. В качестве Семнадцатого идентифицируется начальник военной разведки Восточного направления обороны Абхазии. Семнадцатый использует этот канал редко, что дает возможность предполагать - он пользуется этим каналом только в исключительном случае.

В ходе оперативной разработки канала связи Семнадцатого - открылась возможность прочтения системы кодирования оперативной карты противника. Кроме этого предотвращены возможные диверсионные акции противника на объектах, имеющих важное значение для наших войск.

Начальник Кодорского отдела военной контрразведки капитан Цитишвили."

"Начальнику Кодорского отдела военной контрразведки майору Цитишвили
Секретно

Оперативная разработка канала связи Семнадцатого имеет значение первостепенной важности, и поставлена на контроль министра обороны. Все новые материалы докладывать наверх незамедлительно. Поздравляю с присвоением очередного воинского звания.

Начальник Главного управления контрразведки."

Парада пришла

Ержиб тяжело переживал гибель своих товарищей. Он сидел за столом в компании, только что вернувшихся с задания Аскера и Роберта. Никто из них не притронулся к еде, лишь пригубив в память о погибших товарищах стаканы с вином.

- Мы не могли помочь им, - прервал молчание Аскер.
- Если бы мы знали, что по объекту Д-0743 поступит отбой, мы пришли к ним на помощь.

- Порой мы встаем перед проблемами, решение которых невозможно. И никогда не оправдать наши потери войной или какими-либо иными условиями. Более того, это оскорбило бы их память. Давайте выпьем за их память, потому что они будут живы в наших сердцах - пока мы помним о них.

- Семнадцатый вызывает Двенадцатого.
- На связи Двенадцатый.
- Группа Мангуста провела плановую диверсионную операцию на железной дороге. В результате боестолкновения, со-случайно оказавшимся на месте акции подразделением противника, погибли два разведчика.
- Конечно, мы не застрахованы от случайностей, но операции следует разрабатывать тщательно. Это на будущее. Всю группу представить к награде. Конец связи."

ГУДАУТА МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
ДВЕНАДЦАТОМУ
СЕКРЕТНО
СПЕЦСООБЩЕНИЕ

На железной дороге работала группа капитана

Джанчиева. Желая проявить момент истины, он отказался от использования дистанционного взрывателя, и действовал в форсмажорном режиме. Появление на месте диверсии оперативной группы противника, после получения Мангустом сигнала о проведении акции, свидетельствует о том, что противник взял под плотный контроль канал связи Семнадцатого, и использует его в качестве источника оперативной информации.

ОВР ВНОА Гоуреев.

Контуры операции приняли реальные очертания. Они материализовались из напряженных часов раздумий, ожиданий и тревог в обоснованную, подтверждаемую реальными событиями структуру, как инструмент реализации замыслов командования.

В определении конкретного лица, из числа высокопоставленных военных, или гражданских чиновников, устами которого на высшем военном совете будет озвучена, планирующаяся дезинформация. Ержиб исходил, прежде всего, из необходимости тесной связи деятельности этого чиновника с событиями в Абхазии. Президента он вычеркнул из списка первым - недосягаем. Следующим Ержиб вычеркнул из списка Тамаза Надареишвили. Присутствие в списке его имени было чисто символическим. Он не воспринимался ни в военных, ни в политических кругах, играя в комбинациях центра роль крикуна - более для того, чтобы пустить слезу, и попытаться разжалобить западных дипломатов и журналистов. Китовани? Тоже нет. - Стреляная гильза. Кантарашвили? Головокружительная карьера этого молодого генерала не могла не привлечь к себе

внимания. Назначение на должность министра обороны, присвоение звания генерал-майора в 29 лет. И все это на фоне жесточайшего поражения под Гаграми, и других значительных военных действий, которые окончились безуспешно для войск, которыми он командовал. Здесь, по всей видимости, главную роль сыграла необходимость для президента избавиться от "святой троицы"*, приведшей его к власти. Значит, он - креатура президента.

Ержиб вытряхнул из пачки новую сигарету.

По характеру нервной деятельности Кантарашвили - человек с повышенной возбудимостью. Говорить о высокой степени его умственных и интеллектуальных способностей не приходится, хотя он окончил высшее военное артиллерийское училище: вынужден был иметь дело с математическими формулами, расчетами, - и должен был бы питать склонность к умственному труду. Чрезмерно тщеславный. Сомнительно, чтобы он обладал необходимым для офицера-артиллериста аналитическим складом ума - не смог организовать соответствующий уровень управления войсками на фронте, следовательно, не подозревал о комплексе неполноценности - не имея соответствующего уровня подготовки, занимает относительно высокий пост, пытаясь подменить эти качества напускной твердостью характера, и решительными, не подкрепленными реальными делами, заявлениями. "Максимально подходящая кандидатура для использования в операции "Парада прима" - подумал Ержиб, подчеркнув его фамилию двумя жирными чертами красного карандаша.

Выбор кандидата на роль озвучителя дезы,

* имеются ввиду Тамаз Китовани, Тенгиз Сигуа и Джаба Иоселиани

определил перспективный канал прохождения самой дезинформации - военная разведка. Только в этом случае материал дезинформации попадет на стол кандидата - в данном случае - генерала Кантарашвили. Его высокий пост - министр обороны - обеспечит должное внимание к информации. А подтверждающие действия, которые будут предприняты нашей стороной, убедят противника в абсолютной достоверности полученной информации.

ГУДАУТА МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
ДВЕНАДЦАТОМУ
СЕКРЕТНО

Из числа предложенных в списке кандидатов на роль озвучителя дезинформации наиболее подходящим представляется генерал-майор Кантарашвили.

ОВР ВНОА Гоуреев

Перед ним сидел небритый молодой человек, в помятом летном комбинезоне - пленный летчик, сбитый три дня назад над Беслахубой, штурмовика. Ему важно было даже не допросить - пленного летчика с успехом "выпотрошили" уже соответствующие службы. - а побеседовать с этим офицером, заявившим во время допроса, что он отклонит любые попытки усадить его за штурвал абхазского боевого самолета, но он видит возможность использования его в качестве инструктора. Хотелось понять, чем продиктовано такое поведение. То ли он возомнил себя асом, то ли осознал свое положение, то ли делает такое заявление по простоте души, желая как-то задобрить людей, в которых еще вчера стрелял, и от которых сегодня зависит его судьба.

- ...общенациональный психоз, замешанный на национализме, когда наивность граничит, зачастую, с предательством. Нас предала наивность нашего руководства.... - пленный летчик замолчал. Пальцы его начали нервно выбивать на столе замысловатую дробь, выдавая всю гамму переживаний его души.

- Где-то я уже встречал это выражение. - заметил Ержиб, предлагая пленному летчику сигарету: - Курите?

- Нет. Но не откажусь. - потянулся он к сигарете, и неумело прикурив, закашлялся. Потом посмотрел виновато на Ержиба и продолжил: - Да. Я позаимствовал это выражение у Юлиана Семенова. Оно оказалось сейчас весьма кстати. Нас бросили в эту мясорубку - под флагом идеи - борьбы за целостность территории против сепаратизма. А на деле все оказалось иначе - мы оказались в роли убийц, сбрасывая бомбы на головы своих соотечественников...

- Я не моралист, и не ставлю перед собой цели переубедить вас в том, что вы не соотечественники. Во всяком случае, вы ими были, но до недавнего времени. Для меня сейчас важно другое: будете ли вы вновь воевать, если мы вас отпустим?

Пленный летчик посмотрел на Ержиба непонимающим взглядом, и тихо, почти шепотом, сказал, отрицательно покачав головой:

- Я даю слово, что никогда не сяду больше за штурвал военного самолета, чтобы бомбить или стрелять.

- Вы не сделаете этого еще и по другой причине: сбитый летчик - уже не боец.

- Вы имеете отношение к авиации? - вскинул летчик, удивленный взгляд на Ержиба.

- Нет. Я изучал психологию. И вопрос мой носил сейчас больше познавательный характер.

Пленный летчик опустил голову и замолчал. После некоторого раздумья он поднял голову, и тихо спросил:

- "Меня точно отпустят?"

- Я не хотел бы заранее обнадеживать вас чем-либо. Но, скорее всего, вас обменяют на кого-нибудь из наших. Такая практика существует. У вас будут ко мне какие-либо вопросы?

ОТ - Нет. Вопросов нет, - ответил пленный офицер после некоторого раздумья. - Просто хотел бы выразить благодарность вашим соотечественникам - вы ведь кабардинец? - Ержиб промолчал. - Если бы не кабардинцы, абхазы меня расстреляли бы - он многозначительно потрогал синяк под глазом. Пусть этим ребятам достанется мое личное оружие.

- Вашу благодарность я передам. А что касается вашего личного оружия, я не собираюсь быть вашим душеприказчиком. Тем более, что трофеи достаются тому, кто их берет. И на абхазов вы не можете обижаться. Вы ведь сами сказали, что стали убийцей, сбрасывая бомбы на их головы. Чего же вы еще могли бы ожидать от них, кроме как пули? - Ержиб встал и подал знак конвою - увести пленного летчика.

- Одну минуту еще, если можно... - просящий взгляд летчика заставил Ержиба остановиться:

- Слушаю вас.

- Я должен сказать вам об этом. Понимаете, я мог уйти тогда от ракеты. Есть много способов для этого. Главное - я видел вспышку в момент пуска с земли. Боевой разворот на солнце, а потом еще один в сторону сломали бы траекторию ракеты, у которой скорость значительно выше, чем у самолета. Но, освободившись от бомбового груза, ведущий резко взмыл вверх, лишив меня возможности маневра. Любые мои противоракетные действия привели бы к неизбежному столкновению с ведущим... Вы меня понимаете?

- Понимаю, - коротко ответил Ержиб и подумал: "Не оригинален в своем тщеславии, но вполне искренен..."

Хабез жил жизнью прифронтового города. Сюда не доносились гулкие раскаты артиллерийской канонады, но на его улицах часто можно было встретить беженцев, а в больнице лечились раненые абхазские ополченцы и северо-кавказские добровольцы. Иногда вместо раненых и беженцев с вертолетами, прибывали цинковые гробы. Как правило, их сопровождали двое или трое, одетых в камуфлированную форму, молодых ребят. Без лишних слов и суеты, они перегружали цинковые гробы в автобусы и везли их дальше, в Кабарду или Чечню. А спустя неделю, возвращались в Хабез, и терпеливо ждали возможности улететь в Ткуарчал с очередным рейсом. Из их скупых рассказов, поведанных в ожидании "вертушки", люди узнавали о войне, гремевшей за суровыми вершинами Кавказских гор, больше, чем из официальной прессы.

Жизнь сместилась в иную плоскость. Привычки и критерии мирной жизни - ненужный балласт - отошли в прошлое, уступив место новым качествам. Каждодневный риск, смертельная опасность, и ответственность за судьбы людей, ответственность за судьбу республики выдвинули на передний план жесткость и бескомпромиссность, как важные условия действия и принятия решений. Ержиб часто задумывался над этим, невольно сравнивая определенные моменты своей жизни, и, находя в себе разительные перемены. Война наложила свой отпечаток на его образ жизни, образ мысли.

В городе только и говорили о, неудавшейся наступательной операции. Военные, зная и понимая причины провала, угрюмо отмалчивались. И лишь гражданские, большей частью высиживавшие свои

привычные, но мало кому нужные. места в гражданских учреждениях, превратили кафешки, и другие места своих неизменных встреч, - в миништабы, где являли себя стратегами и полководцами.

В столовой городской администрации, куда Ержиб зашел перекусить, было полно посетителей. За столиком слева сидели иностранные журналисты, лениво ковыряя вилками омлет из яичного порошка. За столиком, справа расположились трое мужчин - абхазов - 50-55 лет. Давно расправившись с традиционным омлетом, они сидели уже просто, занимая места, и наслаждаясь послетрпезной истомой, разбавленной непринужденной беседой, "разбирая", видимо в который раз уже, итоги неудавшегося наступления: "...сидят себе в штабах, рисуют стрелы на картах, а наши ребята расплачиваются за это своей жизнью..." - услышал Ержиб голос, сидящего к нему лицом человека, которого видел недавно в здании правительства, куда был приглашен на беседу с премьером. Незнакомец за столиком справа - видимо один из чиновников среднего звена - скромный и неприметный - заходил тогда к секретарше с какими-то бумагами. Сейчас он преобразился: агрессивная жестикуляция, и, доходящий до шепота голос, дополнялись то гримасой брезгливости, то упоенностью собственного величия: "...голыми руками Сухум взять надумали. Да что они в этом понимают?..."

Ержиб бросил вилку в тарелку с недоеденным омлетом, и поднялся из-за стола, расстегивая кобуру пистолета. Жестко выговаривая слова, он поочередно указал стволом своего "вальтера" на каждого из "штабистов" поотдельности:

- Ты, ты и ты - немедленно замолчите и убирайтесь отсюда!

Они опешили на какое-то мгновение и, грохоча

стульями, повскакивали со своих мест, опасливо уставившись на оружие. Первым опомнился "чиновник среднего звена":

- Что... Что вы с-себе п-позволяете? - попытался он одернуть Ержиба.

- Убирайтесь вон!, - прикрикнул на них Ержиб, и передернул затвор пистолета.

Чиновник осекся. Вмиг побледневшее лицо его исказилось гримасой страха. Он повернулся к выходу и оба его коллеги побрели за ним, понутив головы. В наступившей тишине, излишне громко прозвучал шепотом, заданный кем-то вопрос: - Что случилось?

- Разболтались как базарные бабы. Стратеги, ...тою мать! - ответил Ержиб ни к кому не обращаясь, и, пряча в кобуру пистолет.

- Ви оцень щестоко, но правильно поступиль, - поднялся навстречу Ержибу один из журналистов. - Я хотель бы...

- Ihrem Aussprache nach sind Sie Deutsche?*

- Ja. Sie haben recht, ** - вскинул удивленно брови журналист.

- Schon lange habe ich kein Deutsch gesprochen und es freut mich sehr jetzt so eine Möglichkeit zu haben.***

- Нет, вы говорите очень хорошо. Даже не ожидал как-то, что среди военных можно встретить человека, который так хорошо говорил бы на моем родном языке. Простите мне мою прямооту. И, как журналист, я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вы не возражаете?****

* Судя по произношению, вы - немец? (нем.)

** Да, вы правы. (нем.)

*** Я давно уже не говорил по-немецки и теперь рад, что имею такую возможность (нем.)

**** Продолжение беседы дается в переводе.

- Я, лично, против этого не возражаю. Но, как военный, я должен согласовывать такие моменты с руководством.

- К сожалению, вы - правы. Но в своем репортаже я обязательно упомяну об этой встрече

- Этого я не могу вам запретить, - улыбнулся Ержиб уже полностью успокоившись и они пожали друг другу руки.

Навстречу Ержибу поднялся энергичный, высокого роста мужчина, с жестким ежиком седых волос. Волевые черты его лица никак не вязались со съехавшими на самый кончик носа, очками. Но крепкое рукопожатие действовало располагающе, и Ержиб настроил себя на относительно дружеский тон беседы.

- Наслышан о вас. Наслышан, - начал неожиданно монотонно, вместо приветствия "седой ежик". - А я представлял вас таким широкоплечим и высоким молодым человеком. Да, усталый вид, к сожалению, никого не красит. - в его голосе появились сочувствующие нотки. - Но ничего, отдыхать будем после войны, - взбодрился на миг "седой ежик". - Вам, видимо уже сказали, что я возглавляю Комитет по инспекции военных вопросов, - горделиво продолжил он. - Не скрою, я ознакомился уже с вашим личным делом, и меня неприятно удивил тот факт, что в нем не оказалось подписанного вами текста воинской присяги, - вопросительно уставился на Ержиба "седой ежик".

- Я пришел на эту войну добровольцем. Какие еще от меня требуются клятвы, чтобы доказать кому-то верность принципам, которые меня сюда привели? - просто возразил Ержиб.

- В принципе вы правы, но порядок есть порядок. И мы не в праве его нарушать. Кроме этого, должен

заметить, что ваша автобиография изложена настолько округлыми фразами, что из нее невозможно выудить никакой информации о вас.

- Я думаю, нет необходимости выуживать информацию обо мне из моей автобиографии. Более того, мне кажется, о человеке можно узнать больше по его делам, чем из его "автобиографии".

- В принципе, вы правы, - улыбнулся "седой ежик". - Поэтому я и пригласил вас на собеседование.

"Повторяется, - отметил про себя Ержиб. - Или недостаточный словарный запас, или привычка, непростительная для чиновника его ранга. Но не за этим ведь меня пригласили в этот кабинет, чтобы сказать о незначительных недостатках в оформлении моего личного дела. Эти вопросы можно было уладить в отделе кадров."

- Кроме этого, - продолжил "седой ежик", - мне необходимо прояснить вопросы, касающиеся операции "Парада прима".

Это был неожиданный поворот. Ержиб ничего не понимал. Более того, разум отказывался понимать что-либо. При чем здесь какая-то комиссия? Что за председатель? Какое они могут иметь отношение к операции "Парада прима"?

- Извините, но в мои обязанности не входит посвящение в свою деятельность посторонних, независимо от того, какой бы пост они не занимали. Кроме этого, Главнокомандующим определен круг лиц...

- Я знаю об этом. А то, что я назвал кодовое имя операции должно говорить вам о моих полномочиях.

- Сожалею, но для меня этого недостаточно, - ответил Ержиб, недовольный тем, что круг посвященных в операцию расширяется.

"Седой ежик" молча снял трубку телефона, и набрал номер министра обороны. "Это председатель Комитета,

- сказал он в трубку. - Да... У меня... Передаю" и протянул телефонную трубку Ержибу. В трубке слышался голос Двенадцатого: - "Майор Гоуреев?.. Введите его в курс дела в пределах допустимого. Никакой конкретики!" - "Понял", - ответил Ержиб, возвращая трубку "седому ежику" - "председателю", как он называл себя, "Комитета по инспекции военных вопросов".

- Я могу говорить об этой операции только в общих чертах, - начал Ержиб, - Суть ее заключается в том, чтобы внедрить противнику интересующую нас информацию. Все остальное будет зависеть от того, как противник оценит эту информацию...

- Вы имеете ввиду оценочный характер информации? - "седой ежик" откинулся на спинку кресла и, наклонив голову, уставился самодовольно на Ержиба поверх очков.

- Понятие оценочного характера относится к классификации информации, - ответил Ержиб, раздраженно подумав про себя: - "Не иначе как начитался детективных романов." И, выждав какое-то мгновение, добавил: - А оценка информации - это анализ...

- Хорошо, - прервал его "седой ежик" - А как вы планируете забросить туда вашего разведчика, его проникновение в руководящие структуры, наконец? Ведь без этого невозможно будет передать им интересующую нас информацию. И еще, в рекомендованном списке, названия операций Генерального штаба нет "Парады прима". Из чего вы исходили в своем выборе?

- Кодовое название операции не имеет принципиального значения. Хотя само название стало следствием операции "МЕЧ", ставившей перед собой задачу, - военной оккупации территории Абхазии

войсками Госсовета Грузии. "Парада прима" - фехтовальный термин из произведений Александра Дюма и отражение выпада противника и нанесение ему ответного удара. Что же касается сути самой операции, не обязательно "забрасывать", как вы выразились, своего агента. Есть много способов внедрения интересующей информации через другие каналы. Суть вопроса кроется здесь в качестве информации, ценность которой должна носить чисто символический характер. Но, заиклившись на ней, противник будет не в состоянии предпринять решительных мер противодействия. Такие меры будут даже исключены отсутствием необходимости, в чем мы и собираемся его убедить.

"Инспектор", как успел переокрестить его Ержиб, долго молчал. Затем встал, подошел к окну, зачем-то провел по стеклу пальцем, смахнул с руки невидимую пыль и, повернувшись к Ержибу, сухо заметил: - "Я пригласил вас не для того, чтобы загадывать или разгадывать ребусы и шарады. Потрудитесь объяснить доступным языком суть планирующейся операции."

Ержибу и раньше доводилось встречать в жизни таких людей. Жонглируя своим положением и болтовней о чрезвычайных полномочиях и обстоятельствах, они пытались подчеркнуть этим свое положение и произвести впечатление на собеседника. Но именно такое поведение "инспектора" вывело его из состояния равновесия:

- В этом нет необходимости! - резко заметил он.

- Что? Что вы сказали? - опешил "инспектор". - Как я уже говорил, я возглавляю Комитет по инспекции военных вопросов, - изящным движением безымянного пальца он поправил очки, но в следующее мгновение они съехали вновь, как по накатанной дорожке, на самый кончик носа, вернув лицу "инспектора" привычный вид.

- и мне непонятно ваше нежелание объяснить мне суть вопроса, который мне необходимо прояснить вследствие моих функциональных обязанностей, - подытожил он сердито-обиженным тоном.

- Сожалею, но я не могу представить себе, для чего необходимо вашему ведомству вникать в вопросы, имеющие гриф "Совершенно секретно".

- Мне кажется, майор, вы забываетесь. И, если вы не перемените своего отношения к Комитету, я вынужден буду поставить вопрос о вашем служебном несоответствии. - "Инспектор" посмотрел на Ержиба поверх очков, проверяя, какое действие возымели его слова на собеседника. - Более того, мне известно, что в отделе кадров министерства обороны готов приказ о досрочном присвоении вам очередного воинского звания - "подполковник". Я вынужден буду настаивать на том, чтобы этому приказу не дали хода.

Ержиб вздохнул и достал пачку сигарет.

- Да, да! - по-своему понял реакцию Ержиба "инспектор". - Ваше поведение не красит вас и, поверьте мне, будет в дальнейшем мешать вам в жизни...

- Вы кончили со своими нравоучениями? - смяв в пепельнице сигарету, Ержиб резко встал.

- Да вы понимаете?...

Но Ержиб не стал слушать что он должен "понимать". Четко повернувшись на каблуках, он зашагал к выходу, оставив в кабинете оторопело уставившегося ему вслед "инспектора".

- Я вижу, собеседование с руководителем Комитета по инспекции вопросов обороны повлияла на тебя удручающе, - улыбнулся Двенадцатый, приглашая Ержиба за небольшой журнальный столик, в стороне от массивного рабочего стола, в середине кабинета.

- Если это настолько заметно, то да. - рассеянно ответил Ержиб, удобно расположившись в кресле напротив, и, достав пачку сигарет. Но, вспомнив, что министр обороны бросил недавно курить, отложил сигареты и отодвинул пепельницу в сторону.

- Да ты кури. Я ведь не запрещаю курить у себя в кабинете. - пробасил генерал, заметив его движения.

- А следовало бы, - возразил Ержиб. - Ведь пассивное курение ничем не безопаснее той формы, от которой вы отказались.

- К сожалению, часто бывает, что отказаться от чего-то вреднее, чем следовать привычному. Но здесь, скорее всего, это - дело принципа. Поговорим лучше о деле. Что там у тебя произошло?

- В руководстве зачастую существуют структуры, которые проявляют интерес к нашим вопросам больше по обязанности или по традиции, чем из соображений логики. Я не собираюсь отчитываться перед ними или давать им какую-либо информацию независимо от звания или ранга, представляющих эти структуры людей.

- Война должна была уже выработать иммунитет от подобных и других возможных мер воздействия на нас. Каждый командир или подчиненный должен выполнять только то, что ему поручено и за что он несет ответственность.

- Да, но на деле получается, как в анекдоте: Двое подвыпивших мужчин разговаривают. Один из них говорит другому: - "Видишь мента? Он - голубой." "С чего ты взял?" - спрашивает второй. "Как с чего? Смотри сколько вокруг красивых женщин. А он сейчас подойдет и начнет прикалываться к нам..." Весь мир в сознании нашего инспектора существует только на уровне его собственного восприятия. Он так думает и - точка. Он доверху переполнен тщеславием и чувством

собственного превосходства. Это и есть категория чиновников, не считающихся с реальным положением дел. И такому чиновнику нет дела до профессионального иммунитета. Для них существует только тот круг задач, который они для себя определили. И попытки такой категории чиновников не считаться с профессиональным иммунитетом ведут, к сожалению, к частым конфликтам с ними, а порой и помехам с их стороны, избежать которые можно только при условии полного их отстранения от курирования наших вопросов.

- То есть, ты просишь для себя абсолютной свободы? - нахмурил брови генерал.

- Я думаю, в армии должны быть свои приоритеты и это делает, в данном случае разницу между понятием абсолютной свободы и ограничением числа посвященных. Я не хочу, чтобы мои действия были бы зависимы от прихоти или желания, пусть даже продиктованного самыми благими намерениями людей, весьма далеких от вопросов, которые мне предстоит решать.

- Слишком упрощенные, - или, точнее сказать, слишком традиционные представления для сотрудника военной разведки, - сложил еще более недовольно брови генерал. - Ты же профессиональный военный.

- Во всей нашей армии только вы, да начальник Генерального штаба - профессиональные военные. Для всех остальных определение "профессиональный" - понятие относительное. Мы стали профессионалами по необходимости на этой войне.

- Ну, хватит философствовать, - рассмеялся генерал. - Там, в сейфе, у меня стоит бутылка коньяку. Тащи-ка его лучше сюда. Нам с тобой не помешает пропустить по рюмке.

- По одной - я думаю, будет маловато.

- Нет. Только по одной. Нам с тобой надо еще делом заняться. - И, увидев, что Ержиб поставил на столик

две рюмки, добавил: - Достань еще одну рюмку. Сейчас подойдет начальник Генштаба. Хотя, он уже здесь, - повернулся он на звук, открываемой двери.

- О! Коньяк - это хорошо. Никогда не мешает пропустить по маленькой. Никогда не знаешь, когда тебе может вновь предоставиться такая возможность. - Шутливый тон начальника Генштаба не был наигранным. Даже в самые тяжелые минуты его никогда не покидало чувство юмора. - А что это ты такой смурной? - повернулся он к Ержибу. - Нашел из-за чего переживать. По мне все одно - что эти чиновники есть, что их нет. Мое дело - воевать. А то, что они там придумывают для себя, это они пусть сами между собой разбираются. Послушаем лучше, что нам министр скажет, - поднял он свою рюмку.

- За победу! - коротко сказал Двенадцатый.

- За победу! - посерьезнел начальник Генерального штаба.

- За победу! - поддержал генералов Ержиб.

К оружию у Ержиба было особенное отношение. У него была уже небольшая коллекция из нескольких стволов. Но каждая новая марка, которую он видел, или о которой он слышал, вселяла в него неодолимую страсть завладеть ею. Особое предпочтение, при этом, он отдавал бельгийскому или немецкому оружию. Браунинг 1900-го года привлекал своим оригинальным конструктивным решением, "наган" - надежностью конструкции, а тяжелые "браунинг НР", "вальтер" и "парабеллум"* - мощностью и удобством форм. Но самой

* "парабеллум" - пистолет германского конструктора-оружейника Георга Люгера, избравшего для названия модели часть латинской пословицы "Si vis pacem - para bellum" - "Хочешь мира - готовься к войне".

совершенной моделью из этого класса оружия, он считал "вальтер Р-38" - пистолет под мощный 9-миллиметровый парабеллумовский патрон с относительно длинным стволом и, сцепленным с ним в момент выстрела затвором, обладающий ко всему самовзводным ударно-спусковым механизмом. делавшими этот пистолет практичным и надежным для всех случаев жизни оружием.

ГУДАУТА МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
ДВЕНАДЦАТОМУ
СРОЧНО!
СЕКРЕТНО.

Парламент Грузии принял решение ввести в Гал, Чкороцкуа* полицейские силы под видом защиты местного населения от бандформирований, а на самом деле для проведения карательных акций против населения менгрельской национальности.

ОВР ВНОА Гоуреев"

"-... Ситуация кардинально меняется в свете предстоящих мирных переговоров. Ты отзываешься с Восточного фронта в распоряжение министерства обороны. Сдай дела своему заместителю и вылетай в Гудауту.

- Я - доброволец. И, если это категорический приказ, я сложу с себя полномочия начальника отдела военной разведки и контрразведки и останусь на фронте рядовым бойцом.

- Ваши эмоции, майор, не должны стать помехой

* Территория, подконтрольная оккупационным войскам

для выполнения замыслов высшего политического руководства республики, - в голосе прешедшего на -вы- Двенадцатого послышалось раздражение. Кроме вас оттуда должны уехать все добровольцы. Все! Вы меня поняли?

- С чем это связано? Случилось что-нибудь серьезное? - спросил Семнадцатый после небольшой паузы.

- Дальнейшее продолжение боевых действий невозможно вследствие отсутствия в республике людских и экономических ресурсов. Учитывая сложившуюся на данный момент ситуацию, руководство намерено решать все вопросы за столом переговоров.

- Мы ведь успели показать себя. Мы ведь сумеем одолеть их...

- Поймите, это война без надежды на победу. И достижение определенных уступок в ходе мирных переговоров, будет для нас равносильно победе. Так считает, по крайней мере, руководство. А мы с тобой, - Двенадцатый вновь перешел на -ты- - должны выполнять приказы.

- А нас-то зачем выводить?

- Вывод из Абхазии добровольческих формирований - одно из неперемных условий грузинской стороны.

- Бог мой, да ведь это было уже однажды. Неужели есть необходимость повторять ошибки прошлого?

- Сегодня есть реальные предпосылки мирного разрешения проблемы. Мы на этом этапе выполнили свою миссию. В общем, выполняй! Конец связи."

Майор Цитишвили дважды перечитал содержание радиоперехвата, подчеркнул красным карандашом предложения "Дальнейшее продолжение боевых действий невозможно вследствие отсутствия в

республике людских и экономических ресурсов. Учитывая сложившуюся на данный момент ситуацию, руководство намеренно решать все вопросы за столом переговоров". вытряхнул из пачки одну сигарету и закурил.

"Одиннадцать месяцев войны обернулись для абхазов невосполнимыми потерями, поставившими народ на грань национальной катастрофы. - начал анализировать он текст перехвата, попыхивая сигаретой. - Конечно, они значительно выросли в качественном плане, но долго воевать, покупая каждый патрон, каждый снаряд невозможно. Ресурсы иссякли - это видно не только из текста радиоперехвата, но и из оперативных сводок о продвижении вооруженных формирований сепаратистов в период их наступательных операций - начинавшись весьма активно, они выдыхались через какое-то время. Сейчас они готовы принять все наши условия, чтобы как-то сохранить себя." Майор Цитишвили подчеркнул в тексте еще одно предложение: "Вывод из Абхазии добровольческих формирований - одно из непеременимых условий грузинской стороны."

"Это уже основание. Они уже поняли бесперспективность продолжения боевых действий. Бог мой, как же это хорошо, что этот бедлам скоро кончится. Как все это успело надоесть. Теперь осталось только дожать их.", - подумал он и принялся составлять аналитическую справку.

25 августа 1993 года начался вывод из Абхазии добровольческих подразделений. Колонна автобусов с добровольцами прошла на российско-абхазской границе все необходимые на этот случай формальности и начала переправляться на российскую сторону.

Последними Абхазию покидали кабардинские добровольцы. Они вышли из автобуса, и строгой колонной - впереди знаменосец с ассистентами - через живой коридор провожающих, с гордо поднятыми головами, направились к российскому КПП. Метров за десять до разделительной полосы ассистенты знаменосца, как по команде, пустились в пляс, стреляя одновременно в воздух из автоматов. К Ержибу подскочил российский пограничник с погонами подполковника: - "Что вы себе позволяете, майор? Это ведь граница. Немедленно прекратите это хулиганство!" "Если они и хулиганят, то пока еще на своей стороне, товарищ подполковник. Так что, придется потерпеть." - ответил Ержиб. В это время добровольцы дошли до разделительной полосы. Ассистенты знаменосца прекратили стрельбу, отдали оружие абхазским пограничникам и, как и положено ассистентам знаменосца, в строгом и горделивом молчании ступили на российскую землю. Ержиб вскинул руку к виску, отдавая честь знамени, на зеленом поле которого двенадцать золотых звезд (по числу двенадцати адыгских конфедеративных княжеств) короновали три перекрещенные стрелы - адыгский символ мира. Помедлив секунду, российский пограничник-подполковник последовал его примеру. В глазах у многих добровольцев стояли слезы.

Из оперативной сводки командования оккупационных войск Госсвета Грузии в Абхазии:

"...следуя условиям Соглашения, 25 августа 1993 года сепаратисты вывели из Абхазии добровольческие формирования и войска КНК..."

"...В соответствии с имеющейся договоренностью об отводе войск из зоны боевого соприкосновения.

абхазская сторона отвела тяжелое вооружение в Новый Афон..."

- ...Таким образом, войска выполнили поставленную им задачу, по принуждению сепаратистов сесть за стол переговоров... - с гордостью отметил министр обороны генерал-майор Кантарашвили, подходя к большой оперативной карте на стене.

- Насколько мне помнится, войска имели совсем другую задачу, - улыбнувшись, заметил директор Департамента государственной безопасности. Его всегда забавляла инфантильность этого бравого с виду, но не раз уже битого, доморощенного генерала. - Все это слишком похоже на правду, чтобы оказаться в самом деле правдой.

- Не вижу повода иронизировать, - зло возразил министр обороны. - Факт согласия прекратить боевые действия налицо - сепаратисты четко и последовательно выполняют все наши условия. Это подтверждается и данными моей разведки. Какие еще для этого нужны доказательства? - он повернул свое хищное, бородатое лицо в сторону президента, словно ища его поддержки.

- Все изложенное министром обороны логично в какой-то степени, господа, но мало соответствует действительности, - начал уже серьезным тоном директор Департамента государственной безопасности, отметив про себя с ироничной усмешкой "...моей разведки..." министра обороны. - Известно, например, что в последнее время в Гудауту дважды вылетал командующий Восточным фронтом полковник Энба. Оба раза он встречался с министром обороны и начальником Генерального штаба. Встречи проходили за закрытыми дверьми и содержание этих встреч осталось в тайне...

- Я что-то не пойму вас. Сначала вы иронизировали,

теперь - драматизируете. Мне кажется, что вы в оценке ситуации опираетесь больше на свои эмоции, а в суждениях - на межличностные отношения. - Министр обороны закончил свою тираду и гордо отвернул свой взгляд в сторону, давая понять, что выплеснул уже накопившиеся эмоции и не намерен больше задерживать на нем свое внимание. Любимец президента, он во всем полагался на его авторитет и надеялся на его поддержку. Не ошибся он и на этот раз.

- Господа! Господа, не стоит пререкаться. Ситуация складывается явно в нашу пользу. Кроме того, что мировое сообщество на нашей стороне, сепаратисты не выдержали экономических перегрузок и не в состоянии сейчас обеспечить себя всем необходимым для дальнейшего военного противостояния. И, как правильно подметил сейчас генерал-майор Кантарашвили, действия сепаратистов в последние дни являются лишним тому доказательством. Конечно же, это не означает, что мы должны ослабить нашу боеготовность. Нам необходимо на данном этапе под любыми предлогами срывать сроки отвода нашего тяжелого вооружения. Прячьте ее, наконец, от взоров чрезмерно любопытных наблюдателей...

- Мы сейчас заняты как раз этим, - обрадованно вставил министр обороны.

Президент по-отечески нежно посмотрел на него, и, прощая несдержанность своего любимца, улыбнувшись, продолжил заседание Военного Совета:

- Главное - не дать им опомниться, провести все в сжатые сроки. И подготовьте армейские части для передачи их в распоряжение министерства внутренних дел. Их следует перепрофилировать, чтобы они подпадали под инструкции ООН в соответствии с соглашениями, которые уже достигнуты и будут еще достигнуты в ходе дальнейших переговоров... А победителей не судят.

Утром 16 сентября 1993 года войска Восточного фронта Абхазии прорвали оборону противника и начали стремительное продвижение в сторону оккупированной войсками Госсовета Грузии абхазской столицы. Левое крыло Восточного фронта блокировало Очамчиру, не давая противнику возможности перебросить подкрепления в помощь Сухумской группировке. Но командование грузинских войск не очень-то верило в возможности Восточного фронта, не имевшего достаточного количества тяжелого вооружения, вести наступательные операции, хотя удар был неожиданным и мощным.

Поддерживая возобновившиеся боевые действия на Восточном направлении обороны Абхазии, Гумистинский фронт форсировал Гумисту и вступил на западные окраины абхазской столицы. Начался последний, решающий штурм.

Противник предпринял отчаянную попытку удержать город. Он развернул против войсковых групп Восточного фронта свои тыловые подразделения. Но его действия осложнились тем, что транспортные коммуникации были разрушены - диверсионные группы взорвали несколько мостов, на имеющих важное стратегическое значение дорогах, лишив оперативного маневра мобильные войсковые группы. Очамчирская группировка завязла в боях с левым крылом Восточного фронта, а продвижение подкрепления через Западную Грузию - Мингрелию было остановлено вооруженными формированиями звиадистов - армией Кобалия.

26 сентября, спустя 10 дней после начала абхазскими войсками решающего штурма, Эдуард Шеварднадзе оставил в здании Совета министров весь состав марионеточного правительства и вылетел тайком на

военном вертолете в Грузию. 27 сентября батальон кабардинских добровольцев овладел в коротком бою зданием Совета министров, арестовал марионеточное правительство и отправил под усиленной охраной в Гудауту. Над куполом пылающего в огне пожара зданием Совета министров гордо затрепетало на ветру полотнище абхазского государственного флага. 28 сентября столица Абхазии - город Сухум - была освобождена от оккупационных войск Госсовета Грузии. 29 сентября произошла историческая встреча войск Восточного направления обороны Абхазии и Гумистинского (Западного) фронта. 30 сентября абхазские войска вышли к реке Ингур - на государственную границу с Грузией. Как дорогой подарок принимал Председатель Верховного Совета Абхазии, Главнокомандующий Вооруженными Силами Абхазии Владислав Ардзинба из рук министра обороны Абхазии генерала Сосналиева* бутылку воды из реки Ингур. Это была ПОБЕДА.

Машины свернули с шоссе на накатанную проселочную дорогу, узкой лентой змеившуюся вдоль подошвы поросшей густым мандаринником невысокой сопки. Ержиб склонился над картой, сверяя маршрут движения и на минуту оторвал свой взгляд от дороги.

Объезжая выкатившийся на дорогу валун, водитель заметил в стороне от него несколько неглубоких лунок, просевшей земли, но не успел притормозить - правое

* Сосналиев (Сусналиев) Султан Асланбекович, министр обороны республики Абхазия, генерал-лейтенант, на страницах повестей "Право на писк" и "Парада прима" представлен как "Двенадцатый", "генерал" и "министр обороны".

переднее колесо "уазика" въехало в одну из них. Глухой взрыв ударил яркой вспышкой, вздымая грунт и куски искореженного металла, опрокинул машину на бок.

Капитан Джанчиев выбил прикладом автомата, заклинившую взрывом дверцу "уазика" и с лейтенантом Сабанчиевым осторожно вытащили Ержиба из автомобиля и уложили на траву у обочины. Лицо его было залито кровью - она сочилась из раны на виске. Водитель выбрался из машины сам. Он сжал голову руками и присел у разбитой машины, повторяя одну и ту же фразу: - "Я же видел эти лунки. Я же мог их объехать..." Кто-то попытался заговорить с ним, но капитан Джанчиев раздраженно остановил его: - "Он в шоке. Оставь его!". Разорвав индивидуальный пакет, он отер со лба Ержиба кровь и начал накладывать повязку:

-Сейчас. Сейчас мы отвезем тебя в госпиталь. Здесь недалеко, - повторял он, успокаивая скорее себя, чем Ержиба.

Закончив перевязку они уложили его на заднем сидении своего "уазика".

-В госпиталь! Скорее! - крикнул капитан, но Ержиб уже не слышал этого...

Ержиб не слышал взрыва. Яркая вспышка ослепила его на мгновение, начала постепенно угасать и на ее фоне отчетливо возник силуэт матери. Она не отталкивала его больше, а звала к себе, протянув ему руки. Он сделал несколько шагов, разделявших их, опустился на колени и прижался лицом к ее ладоням, сказав одно лишь слово: - "Мама..."

Прообразы капитана Джанчиева и лейтенанта Сабанчиева - кабардинские добровольцы - капитан Аскер Дзагоев и лейтенант Роберт Амальчиев погибли

13 июня 1993 года при исполнении служебных обязанностей*.

Капитан Адам Хуаде - доброволец из Адыгеи - погиб 25 августа 1992 года при выполнении отрядом добровольцев диверсионной операции в тылу противника.

Поэт Саша Бардодым - доброволец из Москвы - погиб 9 сентября 1992 года, защищая свободу и независимость Абхазии.

Доброволец из Кабарды Артур Кармоков героически погиб при освобождении столицы Абхазии - города Сухум - 27 сентября 1993 года. Умирая на руках товарищей, он вспоминал свой дом, семью и просил товарищей позаботиться о детях.

Агиров Альберт - доброволец из Карачаево-Черкесии - погиб 30 ноября 1993 года на Восточном фронте.

Ахмадов Тимирбулат - доброволец из Чечни - погиб в бою за освобождение столицы Абхазии - города Сухум - 4 июля 1993 года.

Доброволец из Карачаево-Черкесии - Хасан Эдиев погиб на Восточном фронте 7 февраля 1993 года при проведении отрядом разведки боем.

Алексей Скворцов - доброволец из Хабаровского края - погиб 31 августа 1992 года под Эшерой.

Бахадыр Абагба-Озбаа - доброволец из Турции - погиб при освобождении столицы Абхазии - города Сухум - 20 сентября 1993 года.

Сергей Минаев - доброволец из Санкт-Петербурга - погиб в боях за освобождение столицы Абхазии - города Сухум - 3 июля 1993 года.

* Прообразы министра обороны Абхазии - генерал-лейтенант Сосналиев Султан Асланбекович; начальника генерального штаба - генерал-лейтенант Дбар Сергей Платонович; командующий Восточным фронтом - генерал-лейтенант Кишмария Мераб Борисович

Фарид Арютаа - доброволец из Сирии - погиб 19 марта 1993 года на Восточном фронте.

Олег Дмитриев - доброволец из Владивостока - погиб в боях за освобождение столицы Абхазии - города Сухум - 25 марта 1993 года.

Всего в списках погибших в боях за свободу и независимость Абхазии числится - 251 доброволец из России и стран дальнего и ближнего зарубежья.

Вечная им память!

СО ЩИТОМ...

ПОВЕСТЬ

**Повесть "Со щитом" является
заключительной частью трилогии о
Ержибе Гоурееве.**

*Памяти моей матери - Дауровой Цице
Хатовне, безвременно ушедшей из жизни,
посвящается.*

Ранним майским утром, в дачном районе на живописном берегу Зеленчука, из автобуса вышел молодой мужчина, одетый в камуфлированную форму. Под кожаной курткой гражданского покроа на плечах угадывались выпуклости звезд полковничьих погон. Прихватив спортивную сумку, он отправился вдоль зелени пробившихся посадок, и, буйно цветущих абрикосов и черешни к реке, опираясь на легкую трость с изящным набалдашником. Все было здесь знакомо ему: за тем бугорком дорога свернет налево и, убегая вниз, приведет к берегу рокочущего потока, видимо по иронии судьбы, названного Малым Зеленчуком. Здесь, устав от работы и жгучего полуденного зноя, он спускался к берегу реки, нырял с уступа в прохладный поток и, выплыв по течению к песчаной косе другого берега, отдыхал в тени раскидистой ивы. Волна воспоминаний захлестнула его, и вдруг, на фоне фрагментарной картины мирного прошлого, возник неожиданно новый сюжет...

Сознание медленно возвращалось к нему. Неясные звуки доносились откуда-то из оглушающей тишины. Смутные тени склонялись над ним, превращаясь то в знакомый, зовущий к себе силуэте матери, то в усталые глаза за толстыми стеклами очков под белым колпаком, то до боли близкий взгляд жены. Он пытался вспомнить, что с ним произошло. Но яркая вспышка заслоняла от него весь мир. И память выхватывала из этого

слепащего света лишь какие-то фрагменты прошлого: море, лица друзей, небо, солнце, вспышка... Она ударила где-то рядом - столб яркого пламени - опять вспышка... Генерал склонился над картой... полный молчаливого укора взгляд жены... дети играют в футбол... кто-то чиркнул зажигалкой, прикуривая сигарету - вспышка. Опять вспышка! Бог мой, как много света! Почему не выключат свет? Занавесьте, хотя бы, окна... Силуэт матери - мама, я хочу подойти к тебе, прижаться лицом к твоим ладоням... Почему ты уходишь от меня? Но видение матери начало медленно растворяться и перед его глазами возник другой силуэт: туман рассеивается и он узнает эти глаза, этот взгляд, полный молчаливого укора. Жена. Губы его беззвучно шепчут какие-то слова, он силится подняться, но острая боль пронзает тело и его сознание снова проваливается в пустоту...

В воздухе стоял запах гари. Тресканье шиферных крыш, охваченных прожорливым пламенем, эхом отзывалось торопливому перестуку автоматных и пулеметных очередей, заполняя пространство улиц и площадей Золотого Берега новыми, но уже ставшими здесь привычными звуками войны. Она накатывалась с востока, бронированной армадой, затмевая мирное солнце августа 1992 года копотью и дымом пожарищ - горели мирные города и села. Горела Абхазия, охваченная огнем вероломной войны.

Войска Госсовета Грузии вторглись в Абхазию на рассвете 21 августа 1992 года. К концу дня они оккупировали уже значительную часть территории республики, но были остановлены на подступах к столице. Здесь к ним присоединились местные грузинские вооруженные формирования. Военный

комиссар Абхазии полковник Сергей Дбар* возглавил оборону столицы. Разгорелись упорные бои, слабо вооруженных ополченцев, с оснащенными по последнему слову техники войсками Госсовета. Они преградили продвижение, мощной механизированной колонны оккупационных войск, и сорвали военную операцию под кодовым названием "Меч", имевшей целью оккупацию Абхазии в трехдневный срок с последующей нейтрализацией всех прогрессивных сил республики. Трехдневное противостояние на рубеже Красного моста вынудило стороны пойти на переговоры, чтобы избежать гибели мирного населения столицы. Соблюдая условия этих соглашений, абхазские ополченцы отвели свои подразделения за Гумисту. Этой же ночью в город тайком вступили войска Госсовета Грузии**.

На следующий день командование оккупационных войск Госсовета Грузии выбросило морской десант в районе Гагры. Сломив редкие очаги сопротивления, гвардейцы Госсовета захватили всю западную часть Абхазии, вышли левым крылом десанта к российско-абхазской границе и правым крылом прижали части ополченцев к правобережью Бзыби, блокировав правительственные войска и ополченцев в междуречье Бзыби и Гумисты.

С первых же дней войны оказался оторванным от

* полковник С. Дбар, профессиональный военный, выпускник Академии Генерального штаба, впоследствии генерал-лейтенант, начальник Генерального штаба ВС Республики Абхазия.

** Тогдашний министр обороны Грузии Тенгиз Китовани назвал эти нарушения Соглашения об отводе войск "...удачной войсковой операцией".

"Большой земли" и Очамчирский район - Абжуа*. Организовав круговую оборону они приковали к себе значительную силу армейского корпуса, лишив противника маневра и возможности решения не только его военных, но политических замыслов.

Но люди не остались безразличны к судьбе маленького народа. Со всех концов дальнего и ближнего зарубежья пришли на защиту республики добровольцы. Адыги, абазины, чеченцы, русские - их колонны потянулись через перевалы Главного Кавказского хребта**.

Весь народ поднялся на священную войну против агрессора. В абхазском ополчении были представители всех национальностей: абхазы, русские, армяне, греки, грузины***.

Война не щадит никого - ни женщин, ни детей, ни стариков. И желание уберечь их, спасти от беды свойственно настоящим мужчинам.

Многие боевики из оккупационных формирований,

* Абжуа - историческая область Абхазии.

** Добровольцы стали прибывать в Абхазию только на четвертые сутки. И, чтобы ввести в заблуждение разведку противника, в первые дни войны руководство Абхазии распространило слухи о большом количестве добровольцев, прибывающим через перевалы. Для подтверждения этой информации из пансионата Авадхара - через Рицу в Гудауту, прибывали тяжело груженные, занавешенные "Икарусы", которые визуально можно было принять за транспорт с добровольцами.

*** медицинская сестра, грузинка Лика Тапуридзе, попала в плен и была зверски замучена гвардейцами Госсвета Грузии.

созданных из грузин - граждан республики Абхазия поняли, что их втянули в авантюру амбиции высокопоставленных чиновников, получавших на этой войне большие политические и экономические дивиденды.

В феврале 1993 года к командованию Восточного направления обороны Абхазии обратились посланцы кобалиевской части села Меркула, Очамчырского района. Они сообщили, что не хотят дальше воевать и готовы оставить позиции, и сдать оружие при условии, что абхазская сторона обеспечит гарантии безопасности им и их семьям. Они предложили провести переговоры на нейтральной полосе - на участке обороны батальона кабардинских добровольцев.

Ержиб связался с Двенадцатым и получил "добро" на эти переговоры. В этот же день он выехал в Меркулу в распоряжение штаба кабардинского батальона.

В Меркулу Ержиб приехал, около полудня, 11 февраля. До начала встречи оставалось еще два часа времени и он не отказался, когда ему предложили отобедать в импровизированном под столовую помещении, бывшего административного здания чаеводческого совхоза.

Горячий, только что с плиты, суп обжигал еще и солидной порцией аджики - главной составляющей (кроме вина) абхазского стола. Они только и успели приступить к обеду, когда послышался грохот недалекого взрыва, за которым последовал запоздалый вой, сопровождаемый шлепанием осколков по крыше и стенам. Второй взрыв ударил минутой позже в противоположной стороне.

- Первый снаряд - перелет. Второй - недолет. Это уже вилка. Они могут накрыть нас третьим снарядом, - сказал Ержиб, прекрасно понимая, что ни капитан Дзагоев - командир разведывательной роты, ни Гена

Карданов - командир кабардинского батальона, не поднимутся раньше него. Таковы неписанные правила адыгского этикета: он старше и по званию и по возрасту и они во всем полагаются на его действия и поступки. Но противник выпустил еще несколько неприцельных снарядов, разорвавшихся в разных местах и прекратил стрельбу.

- Только обед испортили, - зло заметил Гена Карданов

Через полчаса Ержиб и капитан Дзагоев выдвинулись к переднему краю. Командир группы обеспечения доложил, что место предстоящей встречи на "ничейке" взято под контроль еще с ночи, расположившимися полукольцом группами, в состав которых входят два снайпера и три пулеметных расчета.

"Все в порядке," - подумал Ержиб, отчетливо представив себе, что такие же меры безопасности предприняла и грузинская сторона и, что он и капитан Дзагоев, с которым они пойдут на "ничейку" на переговоры, будут находиться под прицелом не менее десятка стволов. Поэтому, с чувством сожаления, расставался со своим пистолетом и личными документами, которые он оставил в штабе батальона.

Товарищи пожелали им счастливого возвращения и они, не прощаясь, - плохая примета - направились в сторону "ничейки". Роберт Амальчиев - близкий друг и земляк капитана Дзагоева - расположился со своим ПКМ* в замаскированном и удобно оборудованном окопе. Он знаками показал, что все в порядке, когда они проходили мимо. Миновав рубежи прикрытия, они направились в сторону позиций противника. Ержиб заметил при этом, что капитан Дзагоев старается быть чуть впереди, как бы прикрывая его собой, и сделал ему замечание. Но капитан возразил ему:

* ПКМ - 7,62 мм единый пулемет Калашникова.

Мы прежде всего - адыги, и лишь потом - военные. Я младше и по возрасту и по званию, и поступаю так, как мне велит наше адыгэ хабзэ*.

Ержиб не стал возражать, чтобы не оскорбить его чувства национального самосознания.

До обусловленного места встречи оставалось совсем немного, когда противник неожиданно открыл по ним орудийный огонь. Разрывы снарядов начали рвать вокруг мерзлый грунт. Упругий, горячий удар взрывной волны швырнул их на землю. Над их головами противно засвистел веер смертоносных осколков...

Вспышка! Как много света! Боль пронзила все тело. Он открыл глаза, и увидел склонившееся над ним лицо жены, и вновь потерял сознание...

...Из-за строений, неподалеку, что-то кричали им и махали руками. Они вскочили и бросились к этим строениям короткими перебежками. Ержиб и не помнил, чем руководствовался, когда на бегу схватил почему-то упавший рядом в снег, зашипевший, охлаждаясь, острый с зазубринами осколок. Лишь потом, скатившись в подвал и испытав непреодолимое желание закурить, он обнаружил, что пальцы его продолжают сжимать в ладони, остывший, с острыми зазубринами, кусок металла.**

Есть известный исторический анекдот: встречаются как-то на том свете два великих полководца прошлого - Александр Македонский и Наполеон. Александр

* адыгэ хабзэ - неписанный свод правил, регламентирующий взаимоотношения в адыгском обществе. Адыгский этикет.

** Позже стало известно, что гвардейцы узнали о планах кобалиевцев и обстреляли парламентариев, чтобы сорвать переговоры.

Македонский говорит, обращаясь к Наполеону: "Если бы у меня были танки Гитлера, я бы мог завоевать весь мир". "Ах,- отвечает Наполеон.- Какие танки? Вот, если бы у меня была пропагандистская машина Гитлера, мир до сих пор не узнал бы, что я проиграл военную кампанию в России..."

Значение пропаганды в любое время трудно переоценить. Однако, нередко случается, что жертвой пропаганды становятся сами ее организаторы. Истории известно немало таких случаев. И, как один из примеров этому, Ержибу вспомнились события недавнего прошлого.

Генеральное наступление грузинских оккупационных войск, на Восточном направлении обороны Абхазии в декабре 1992 провалилось. Тяжелые бои, завязавшиеся по всей линии фронта, протяженностью около девяноста километров, не принесли им успеха, проявив несостоятельность военных и политических планов Госсовета Грузии по разгрому Восточного фронта, и созданию автономии с марионеточным правительством в границах по рекам Ингури и Гумиста.

Не сумев добиться осуществления своих замыслов ни на одном из направлений, они прекратили наступательные операции и перешли к пассивной обороне, вернувшись на исходные позиции. Но набравшая полные обороты пропагандистская машина Госсовета Грузии поспешила известить весь мир, что войска Восточного направления обороны Абхазии разгромлены, Ткварчели пал и назвали даже имя полковника Н-швили, назначенного военным комендантом Ткварчели.

Поверил ли мир этой утке - неизвестно. Но многие грузинские военные поверили этой лжи, предназначенной, конечно же, не для их ушей...

В канун наступления грузинских оккупационных войск

бойцы кабардинского батальона произвели минирование одного из направлений Меркульского участка обороны. На этих минах и подорвались во время танковой атаки два танка противника.

После окончания боев кабардинцы решили вытащить эти танки в свое расположение и отремонтировать их. Занятые делом, они не обратили внимание, как к ним подъехал "уазик". Из него вышел военный лет пятидесяти пяти, и, подойдя к добровольцам, заговорил на грузинском языке: - "Гамарджоба..."

Поначалу кабардинцы не поняли, что происходит, но потом, сообразив, что перед ними грузинский офицер, схватились за оружие, побросав ломы и молотки. Все произошло в считанные секунды. После нескольких предупредительных выстрелов поверх машины из "уазика" начали выбираться перепуганные до смерти грузинские офицеры. Ими оказались полковник Д-дзе - начальник Главного инженерного управления министерства обороны Грузии, его заместитель - майор К-швили, военный врач - сын полковника Д-дзе, водитель и два гвардейца охраны. При полковнике Д-дзе оказался портфель, набитый секретными документами и картами минных полей. После допроса они были отправлены в Гудауту. Впоследствии они были интернированы. Причиной же их "экскурсии" стало безобидное желание посмотреть "поверженный", по грузинским сводкам, город Ткварчели. И для всех осталось загадкой, как их "уазик" проехал незамеченным через боевые порядки своих войск?

- Вставай! Что ты разлегся как на перинах. И стонать тебе не пристало. Ты ведь мужчина. Не помнишь, разве, эпизод русско-кавказской войны, о котором нам рассказывали наши старшие, когда к

раненому сыну зашел отец?* Помнишь! Вот и представь себе, что к тебе сейчас придет отец...

Ержиб с трудом открыл глаза. Рядом, уронив голову на левое плечо, прикорнула у его кровати жена. Нет, это был не ее голос. Это - голос Аскера. Но где же он? Значит, померещилось. Может от того, что застонал в забытьи? От чего так болит голова? И глазам больно... от света. Но где же отец? Почему он не приходит? Он прикрыл веки и почувствовал, что снова проваливается в пустоту...

В феврале 1993 года Россия проводила широкомасштабную акцию по доставке в Ткуарчал гуманитарной помощи. Грузы перебрасывались вертолетами из Сочи с посадкой и таможенным досмотром грузинскими военными в Сухум. Необходимость досмотра мотивировалась грузинской стороной стремлением предотвратить возможное поступление в Ткуарчал под видом гуманитарной помощи оружия, боеприпасов и другого военного снаряжения.

Это было лишним препятствием, чинимым грузинской стороной, которой было бы гораздо проще направить в Сочи группу наблюдателей. Истинные причины проявились в другом. И это стало известно после, имевшего скорее комические, чем трагические последствия случая.

* Сын был смертельно ранен в одной из стычек с передовым отрядом. Отец, зная, что сыну осталось недолго жить, решил провести его перед смертью. Когда сын узнал о желании отца, он попросил товарищей одеть его в лучшую черкеску и стать по обе стороны от него, чтобы он не упал - он никогда не садился в присутствии отца, как этого требовал суровый обычай гор. Отец и увидел сына стоящим между своих товарищей, поговорил о чем-то отвлеченном и вышел. Спустя час сын умер.

Два штурмовика ВВС Грузии возвращались на базу после бомбежки Нового Афона. Пролетая над Беслахубой,* они приступили к осуществлению второй части задачи боевого вылета - бомбежке позиций абхазского ополчения. Бомбы были сброшены. И при выходе из атаки, когда ведущий, освободившись от бомбового груза, резко взмыл вверх, лишая маневра ведомого, с земли произошел пуск ракеты...

Выпускник духовной семинарии, двадцатисемилетний абхазский священник, взявший в руки оружие, чтобы защитить родину, нажал спусковой крючок ракеты, не забыв при этом обратиться к Всевышнему: "Господи! Прости меня грешного, не в человека стреляю, а в дьявола во плоти..."

Пораженный ракетой, суперсовременный штурмовик стал разваливаться в воздухе.

Однако, пилот успел катапультироваться. Его захватили в плен кабардинские добровольцы из группы Михаила Бли.

Будучи уверенным, что летчик погиб, грузинское командование развернуло широкую кампанию по дискредитации абхазов и вынудило российскую сторону приостановить доставку в Ткуарчал гуманитарных грузов. Было сделано официальное заявление, что абхазы нарушили условия перемирия на время выполнения гуманитарной акции и сбили один из самолетов в сопровождении бортов с гуманитарным грузом.

Командованием ВНОА** по этому поводу была организована в Ткуарчале пресс-конференция для журналистов и работников Красного Креста. И велико было удивление гостей, когда к ним был выведен

* Беслахуба - село в Очамчирском районе

** ВНОА - Восточное направление обороны Абхазии.

старший лейтенант ВВС Грузии Н-швили - пилот сбитого над Беслахубой штурмовика. Он высказал благодарность кабардинским добровольцам - если бы не они, его бы точно убили разъяренные абхазские ополченцы, на чьи головы и дома он сбрасывал свой смертоносный груз. На вопрос о цели вылета и при каких обстоятельствах его сбили, он ответил, что их "спарка"* не имела ничего общего с сопровождением вертолетов с гуманитарной помощью, и он был сбит при бомбежке Беслахубы.

- Кризис уже прошел и теперь дела пойдут у нас напоправку, - сказал врач осмотрев Ержиба. - Правда, он долго еще не сможет встать с постели - слишком много крови он потерял и организму понадобится время на его восстановление.

- Он не реагирует на мои обращения к нему, но часто говорит. Только при этом слов разобрать невозможно.

- Посттравматические процессы провоцируют состояние сильного возбуждения и выхватывая из памяти отдельные фрагменты пережитых событий, проявляются как остаточные эмоции в виде бреда и беспокойного поведения. Но это временное явление и оно не представляет собой какую-то опасность для выздоровления. Это последствия контузии. Но организм у него молодой и крепкий и со временем все придет в норму. Надо только подождать. А пока я назначу ему кое-что из успокоительных.

* Пара самолетов (ведущий и ведомый), выполняющая совместный полет.

В Ткуарчал он вернулся рано утром. Улицы города были непривычно пустынные. Это неприятно удивило и насторожило его одновременно. Даже площадь перед зданием администрации, где располагались кабинеты его отдела, была безлюдной. Он недоумевал, что же могло случиться за те два дня, которые он отсутствовал?

Поднявшись на второй этаж, он быстро прошел к себе в отдел.

Секретарша была обрадована его возвращением и засуетилась, собираясь приготовить ему кофе. Но он остановил ее и попросил рассказать, что произошло в городе за время его отсутствия. Она сбивчиво рассказала, что последние две ночи было совершено несколько разбойных нападений на квартиры мирных граждан. Бандиты действовали жестоко, нагло и уверенно. Есть убитые и раненые. В городе прошел слух, что за этими бандитскими акциями стоят люди, облеченные властью. Поэтому и остаются безнаказанными действия бандитов.

Ержиб позвонил в приемную главы администрации города. Ему ответили, что Варлам Родионович находится в госпитале на встрече с медперсоналом и жителями города, организованном по инициативе врачей. Ержиб выехал в госпиталь.

В помещении, где проходила встреча, былолюдно. Варлам Родионович, глава администрации города, стоял у стола, за которым сидели главный врач госпиталя и несколько человек, которых Ержиб знал только в лицо.

Ержиб стал протискиваться вперед. Люди оборачивались, узнавали и расступались, пропуская его. Он присел за одним из столов - кто-то из врачей уступил ему место и начал делать пометки в своей записной книжке.

Варлам Родионович говорил о том, что администрация города делает все, чтобы облегчить положение людей, что в этих целях он запросил Гудауту прислать какую-то сумму денег.

"Что он несет? - подумал Ержиб. - До этого ли сейчас людям, когда распоясавшиеся от чувства безнаказанности бандиты сеют в городе страх и смерть?" Но больше всего его поразила и придала уверенность в правильности решения, к которому он неожиданно пришел, абсолютная безучастность к происходящему людей, которые слушали эту галиматью. Их отсутствующие лица, и печать безысходности на них. Он встал и громко, обращая на себя общее внимание, твердо сказал:

- Одну минуту, Варлам Родионович!

Все обернулись к нему.

- Люди собрались здесь не для того, чтобы услышать о ваших стараниях облегчить условия их жизни, обещаниями какой-то небольшой суммы денег. Они ищут защиты...

- Позвольте, товарищ майор!..

- Не позволю! До сих пор меня сдерживало то, что я - адыг, а не абхаз. Но функциональные обязанности начальника военной контрразведки обязывают меня принять сейчас такое решение. Я принимаю на себя обязанности начальника гарнизона и возлагаю на себя с этой минуты все полномочия - и военные, и гражданские.

- Вы не имеете права!.. - попытался возразить глава администрации.

- Мне эти права дает моя должность, сложившиеся обстоятельства и условия военного времени, - жестко отрезал Ержиб. - Присутствующих военных прошу следовать за мной! Остальным заниматься своим делом. Выполнять! - добавил он и, не оборачиваясь,

зашагал к выходу.

Через десять минут Ержиб был в штабе гарнизона. Он приказал дежурному собрать в штабе гарнизона к десяти часам всех офицеров штаба и пригласить на это совещание командира и комиссара третьего полка, дислоцирующегося в Ткуарчале. Пока офицеры собирались, Ержиб вызвал шифровальщика и отправил на имя Президента и Двенадцатого срочную шифрограмму: "В Ткуарчале сложилась критическая обстановка. Принимаю командование на себя. Прошу подтвердить мои полномочия. Майор Гоуреев."

Ответ пришел через сорок пять минут:

"Майору Гоурееву. Срочно. Подтверждаем ваши полномочия. Первый; Двенадцатый."

Ержиб зачитал собравшимся офицерам подтверждение своих полномочий, и начал короткое совещание, объяснив присутствующим сложившуюся ситуацию, возможные пути решения возникших проблем, и необходимость, в этом разрезе, принимаемых мер.

Принимая решение взвалить на себя обязанности начальника гарнизона, Ержиб понимал причины и исходил из трудности ситуации. Однако, подписывая приказ по режиму чрезвычайного положения, отдельные пункты которого заканчивались жестоким и лаконичным словом "расстрел", он невольно задержал над бумагой руку с пером - имеет ли он право? Он - адыг. Пришел на эту войну защищать Абхазию. Подписав такой приказ, он обрекает на гибель абхазов, пусть даже виновных. Нет! Он имеет право принять такое решение, потому, что рискует, как и они, своей жизнью во имя свободы Апсны*. И во имя этой борьбы он обязан подписать такой приказ. Подтверждение полномочий подписано кроме Первого и Двенадцатым. Его авторитет

* Апсны - Абхазия

непререкаем, хотя он тоже - адыг. И Валерий Бигуаа, который присутствовал на встрече в госпитале, счел необходимым заметить ему, что он поступил в соответствии с обстановкой, поэтому не следовало оговариваться на сходе в госпитале, что он - адыг. Ержиб подписал приказ. Однако, червь сомнения долго еще точил его и он, подписав письменный приказ, отдал другое - устное распоряжение: "Никаких расстрелов! Избивать разрешаю. Но никакой стрельбы!"

На улицы города, дополнительно к силам комендатуры, были выведены подразделения третьего полка. Круглосуточное патрулирование военных и привлечение к решению вопросов внутренней безопасности гарнизонной милиции, и гражданского населения позволило решить в кратчайшие сроки вопросы обеспечения порядка в городе и, прилегающих районах.

Вечером того же дня Ержиб собрал в своем кабинете начальников гарнизонных служб - начальника гарнизонной милиции майора Когония, коменданта гарнизона капитана Кварцхава, руководителя службы безопасности подполковника Хаджимба, командира третьего полка майора Гамисония, комиссара полка капитана Агрба и комиссара гарнизона майора Астанба. Необходимо было подвести итоги первого дня по режиму чрезвычайного положения.

- Честное слово, клянусь, я давно думал, что надо было вводить режим чрезвычайного положения... начал неожиданно комиссар гарнизона, не дожидаясь, пока Ержиб откроет совещание.

- Я не знаю о чем вы думали, но в том, что руководство гарнизона привело ситуацию к такому положению дел есть немалая доля вашей вины, - перебил его Ержиб.

- Я не вижу здесь своей вины, - возразил комиссар

гарнизона. - Я ведь не могу...

- Именно в этом и заключается ваша вина, что вы не можете! - продолжил Ержиб. - А если вы не можете - вы не соответствуете занимаемой должности.

В кабинете наступила гнетущая тишина.

- Хорошо. Если я не соответствую своей должности - я ухожу. - еле слышно пробормотал через минуту комиссар гарнизона.

- Нет. Вы не уходите, - холодно поправил его Ержиб. - Я снимаю вас с занимаемой должности.

- А вы не имеете права меня снимать... - вскинулся было Астанба, но Ержиб не дал ему договорить.

- Сегодня почему-то все считают необходимым оспаривать мои права. Я думаю это лишнее. Есть шифрограмма Центра, подтверждающая мои полномочия. И все свои соображения относительно моих прав вы можете изложить Первому и Двенадцатому. А сейчас сдайте дела капитану Агрба, комиссару третьего полка. Письменный приказ вы получите завтра утром.

Бывший комиссар замолчал, и, понурившись вышел из кабинета вместе с капитаном Агрба. Дождавшись пока за ними закроется дверь, Ержиб продолжил начавшееся уже по сути совещание:

- Мы не можем говорить об организованной преступности, но действия собравшихся в небольшие группы отдельных деклассированных элементов принуждают нас принять неотложные меры по их пресечению.

- По нашим данным, эти группы существуют на уровне уголовников, но не исключено, что их действия могут быть инспирированы со временем резидентурой противника. И их действия будут организованы и направлены на то, чтобы нарушить и без того слабое снабжение продовольствием, организовать черный

рынок, сеять панику и хаос среди населения. - поддержал его начальник отдела Службы безопасности.

- Надо составить план мероприятий и распределить участки работы. Но самое главное - это выявление и уничтожение бандитских групп. Подготовьте приказ по режиму чрезвычайного положения. Особое внимание в приказе уделите дезертирству, бандитизму и мародерству с единственной мерой пресечения этих проявлений - расстрел на месте без суда и следствия.

- А как нам быть с группой, задержанных по подозрению в разбойном нападении на семью Н.? - спросил начальник милиции.

- А какие там возникли проблемы?

- С ними проблем особых нет. Вину они не признают, отпустить их мы не можем, также как и не можем доказать их причастность к упомянутому делу. Но в здании гарнизонной милиции присутствуют дополнительно десять-одиннадцать бойцов из Меркульского батальона.

- А у милиции не хватает своих сил на организацию охраны своих подопечных? Почему приходится снимать с фронта людей для этой цели?

- Мы в состоянии решать свои задачи сами, но командир Меркульского батальона считает охрану и возможную расправу с виновными своим делом, потому что пострадавшие - его родственники.

- Виновны они или нет решаем не мы с вами и, тем более, не командир Меркульского батальона. Этим занимаются судебные органы. Но, как я понял, присутствие здесь подозреваемых в совершении этого преступления может усугубить и без того сложную ситуацию. Тем более, что для этой цели уже снимают людей с фронта. Первое, что предстоит сделать - отправьте "прикомандированных" к вам бойцов в место дислокации батальона, к которому они приписаны.

Дальше, приготовьте все материалы по делу и, самих подозреваемых к отправке в Гудауту. Во избежание каких-либо эксцессов постарайтесь избежать утечки информации в период подготовки их отправки. Все по этому вопросу, товарищи. Какие еще будут вопросы или предложения?

Все молчали - каждый понимал меру ответственности за принимаемое решение, но иного пути решения, возникшей проблемы не было.

Комплекс мер, принятых совместно с командованием фронта, позволил выправить положение. Через несколько дней в районе был наведен порядок. Но Ержиб долго еще оставался исполняющим обязанности начальника гарнизона, пока не получил новое назначение и не был отозван из Ткуарчал в Гудауту - в распоряжение министерства обороны. И лишь одно незначительное событие оставило в его памяти неприятный осадок. На следующий день перед отправкой в Гудауту группы, подозреваемой в организации разбойного нападения на семью Н., на прием к нему попросился мужчина, которого он видел иногда у штаба гарнизона в окружении завсегдатаев, выделявшегося на фоне общего военного аскетизма изяществом одежды гражданского покроя.

- Кто отдал распоряжение об отправке арестованных в Гудауту? - спросил он без обиняков, едва успев присесть у стола.

- А кто вы, собственно, будете? - Удивился Ержиб непосредственности, с которой незнакомец пытается вмешаться в его дела.

- Как? Вы меня не знаете? - не менее удивленно уставился на Ержиба посетитель. - Я - брат Беркута.

- Беркута я, предположим, знаю. И уважаю его. Но это никак не меняет дела. Я и ему дал бы такой же ответ. Так что, не спекулируйте его именем. А теперь.

убирайтесь отсюда!

-Что?.. - опешил посетитель, явно не ожидавший такого приема.

-У вас что, плохо со слухом? - раздельно четко сказал Ержиб. - Убирайтесь!

Окончательно смешавшись и бормоча под нос то ли проклятия, то ли угрозы, посетитель вышел из кабинета.

Ержиб не стал выяснять на каком уровне произошла утечка информации, смирившись с тем, что неумная тяга поделиться новостью переродилось в неистребимую привычку для многих мужчин. Тем более, что во время этой "беседы" крытая машина уже везла группу арестованных* к месту посадки вертолета и ничто уже не могло остановить их переброску в Гудауту.

ДОКУМЕНТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

ПРИКАЗ №... **

по Ткуарчалскому гарнизону об установлении норм отпуска продуктов питания семьям военнослужащих

В целях упорядочения выдачи продуктов семьям военнослужащих, находящихся на территории города Ткуарчал

ПРИКАЗЫВАЮ:

Производить ежемесячную выдачу продуктов питания семьям военнослужащих по утвержденным спискам.

Установить следующие нормы отпуска продуктов:

- мука пшеничная - 5 кг.

- мука кукурузная - 5 кг

* Суд вынес им оправдательный приговор.

** - здесь и далее номера приказов, имена и фамилии и другие данные, имеющие секретный характер, опускаются.

- сахар	- 2 кг
- крупа (любая)	- 3 кг
- чай	- 2 пачки
- сигареты	10 пачек

ПРИКАЗ №...

О формировании отряда "Егерь"

Для контроля горных перевалов, троп и дорог от возможного проникновения по ним противника, а также в целях создания надежной линии обороны в горах на подступах к Ткуарчалу и укрепления юго-восточной части фронта

ПРИКАЗЫВАЮ:

Создать в составе ... полка специальный отряд "Егерь"
Командиром отряда назначить ...

Составить схему дислокации постов, маршрутов патрульных групп и районов минирования

ПРИКАЗ №...

по Ткуарчалскому гарнизону

В последнее время резко обострилась криминогенная обстановка в городе, и, прилегающих районах, началась массовая кампания дискредитации государственных, военных и гарнизонных структур власти. Идет террор мирного населения. Все эти действия совершаются лицами, способствующими подрывной деятельности грузинских спецслужб, против суверенной республики Абхазия. Исходя из изложенного,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Ввести в городе и, прилегающих районах, режим чрезвычайного положения

Ввести комендантский час с 20.00. до 07.00.

Для обеспечения режима чрезвычайного положения привлечь в помощь комендатуре подразделения ... полка

Со щитом...

Гарнизонным военным и гражданским структурам власти обеспечить безусловное выполнение настоящего приказа.

ПРИКАЗ №...

Согласно распоряжения начальника Ткуарчалского гарнизона для выполнения задач по охране особо важных объектов передать до особого распоряжения в подчинение гарнизона роту "Ш".

ПРИКАЗ №...

О создании отряда специального назначения

Для обеспечения в регионе режима чрезвычайного положения, выполнения особых заданий в тылу противника и на территории гарнизона

ПРИКАЗЫВАЮ:

На базе роты "Ш" сформировать отряд особого назначения.

Утро выдалось прекрасное. Бездонная ширь безоблачного неба отразилась в окне, распахнутом навстречу новому дню. В палату ворвался шумный гомон птичьей стайки, разбудив его. Обстановка в комнате была ему незнакома и он силился понять где находится, что с ним? Но память была бессильна в этом море, нахлынувших на него видений, из которых он был не в состоянии вычленить что-то связанное - эпизоды мелькали как ускоренные, смонтированные из разных фильмов, кадры кинохроники. Напряжение возросло. Он перестал ощущать действительность. Но сознание отчетливо выхватило, наконец, из глубины памяти реальный эпизод.

Лашкиндар*. Его громада высится в северо-восточной части Ткуарчала, прикрывая его и от природных ненастий, и от злой воли человека. Это древнее святилище, склоны которого покрыты густым лесом. Вторые сутки на этих склонах гремит бой - бойцы отряда специального назначения блокировали диверсионную группу противника, просочившуюся в тыл с заданием уничтожить вертолетную площадку, связывающую Ткуарчал с внешним миром...

Из зеркала на Ержиба смотрели усталые, запавшие глаза. Неприятное ощущение неопрятности вызвала жесткая, с проседью щетина, покрывшая его ввалившиеся исхудалые щеки и подбородок. Неделя, которую он провел без сознания и большая потеря крови не замедлили сказаться на его внешности. Где-то он уже читал, что человек, решивший отрастить красивую бороду, первые несколько дней выглядит просто небритым. Жена отвернулась, чтобы он не заметил, как она смахнула набежавшую слезу, начала убирать с тумбочки какие-то упаковки с лекарствами. Скосив взгляд, он увидел на спинке стула у кровати форменную камуфлированную куртку с аккуратно подшитым белоснежным подворотничком. Его погоны тускло отливали защитного цвета подполковничьими звездами...

...В офицерской столовой почти не было посетителей, когда Ержиб присел за столик у окна и, в ожидании, пока

* Лашкиндар - гора-святилище на восточной окраине города Ткуарчал.

официантка накроет стол, стал просматривать "Российскую газету" с публикацией об Ахазии. Увлечшись чтением, он не заметил, как к его столику подошли несколько офицеров штаба. Они с шумом присели за его столиком.

- Непорядок, товарищ майор, - не соблюдаете форму одежды, - весело подмигнул товарищам заместитель министра обороны по личному составу.

Ержиб, непонимающе, посмотрел на него.

- Он еще не знает об этом приказе, - пояснил начальник отдела кадров. - Министр только утром подписал приказ о присвоении ему очередного воинского звания "подполковник".

- С вас причитается, товарищ подполковник, - улыбнулся заместитель министра обороны, доставая из нагрудного кармана, отливающие матовым светом защитного цвета, звезды подполковника.

Через несколько минут на столе появились несколько бутылок "Столичной водки". Начальник оперативного отдела ловко откупорил одну из них, бросил звезды в стакан и наполнил его до краев.

- Ну, товарищ подполковник, доставайте свои звезды, - лукаво улыбнулся он, протягивая Ержибу стакан.

Ержиб выпил водку одним махом, достал звезды и поставил пустой стакан на стол. Начальник оперативного отдела наполнил теперь все стаканы: - "Товарищи офицеры!..." Над столом раздался торжественный звон стаканов: - "За подполковника Гоуреева!"

Противник жестоко и методически обстреливал Ткуарчал. Системы залпового огня забрасывали реактивными снарядами город и, прилегающие села, в

которых скопились десятки тысяч беженцев, сеяли смерть и разрушения. Встречаясь на улицах с людьми, Ержиб читал в их глазах немой укор: что же это вы и защитить нас не можете? Надо было предпринимать какие-то меры. Разведка установила уже места базирования и огневые площадки подвижных установок, смонтированных на железнодорожных платформах. Дважды он высылал мобильные диверсионные группы с задачей уничтожить их. Но оба раза они возвращались, не сумев выйти к цели - объекты усиленно охранялись. Ержиб решил тогда воспользоваться последней возможностью: прекратить охоту за системой залпового огня, продолжить ее имитации для операции "Парада прима", а командованию Кодорской группировки выдвинуть ультиматум. Утром он вызвал командира взвода связи и приказал выйти на связь на волне противника: - "Передайте им, что начальник Ткуарчалского гарнизона вызывает на радиосвязь командующего Кодорской группировкой оккупационных войск генерала Учадзе." Через полчаса связисты доложили, что штаб Учадзе принял сообщение. Радиообмен назначен на завтра на 11.00.

На следующий день в 11.00 в кабинет вошел дежурный офицер штаба и сообщил, что связь со штабом Кодорской группировки установлена. Их позывной - "Орел".

Ержиб прошел в радиорубку. Связисты встали при его появлении, но он остановил их движением руки: - продолжайте работать - взял трубку и нажал клавишу переговорного устройства: - "Орел. Как меня слышите? Здесь начальник гарнизона."

- Здесь "Орел". Слышу вас хорошо. Прием.

- С вами говорит начальник Ткуарчалского гарнизона майор Гоуреев. Мне необходимо переговорить с генералом Учадзе.

- Генерал Учадзе в отъезде. С вами говорит полковник Джикия.

Этого Ержиб не предвидел. Но он понимал, что генерал Учадзе никуда не уезжал и сидит сейчас, может быть, рядом, готовый давать указания, что и как отвечать ему. Поэтому продолжил:

- Я прекрасно знаю, что генерал никуда не уехал и сидит сейчас рядом с вами. Но это не меняет дела. Однако, для верности, берите карандаш и записывайте для него: - "Вы обстреливаете мирные кварталы города, и, прилегающие населенные пункты. Гибнут ни в чем неповинные люди - не военные, а гражданское население - беженцы. До сих пор мы безрезультатно рассчитывали на ваше благоразумие. И с этой минуты, если на город упадет хоть один снаряд, я обрушу на Очамчиру всю мощь нашей артиллерии. Ответственность за последствия будете нести вы, как инициаторы этой акции.

- Это ведь несерьезно, господин майор. У нас столько танков, пушек, самолетов...

- Полковник! Я не спрашиваю сколько и чего у вас есть. - металл в голосе - Ержиб впечатывал в эфир каждое слово. - Я заявляю вам, что приму адекватные меры, а вся ответственность за гибель мирных жителей Очамчиры ляжет на вас. Это - ультиматум! Вы меня поняли, полковник!?

- Понял. Понял, господин майор, - ответил полковник Джикия после небольшой паузы. - Только зачем нам воевать? Нам лучше договориться без войны и жить в мире...

- Слушайте, полковник, - грубо оборвал его Ержиб. Оставаясь внешне спокойным, он ликовал, хотя ничем не выдал своего волнения - он сломал противника, переиграл его психологически. - Мы с вами не уполномочены вести мирные переговоры. Это -

прерогатива высшего руководства. Я же заявил вам ультиматум. Повторите его содержание!

Полковник Джикия дословно повторил текст ультиматума. Это была победа. Победа! Ержиб отметил при этом радостно-возбужденные лица связистов, шептавшихся слева от него.

- Господин майор, - снова послышался в трубке голос полковника Джикия. - Назовите еще раз вашу фамилию.

- Гоуреев. Майор Гоуреев.

- Я не встречал до этого такой фамилии в Абхазии...

- Теперь есть. Привыкайте! Конец связи.

Ержиб передал трубку связистам и быстро прошел к себе в кабинет...

Потянулись долгие часы ожидания. Время, казалось, остановилось. Все остальные дела, как-то сами собой, ушли на второй план.

На исходе были третьи сутки ожидания. Ержиб пришел в штаб с раннего утра, не успев позавтракать и секретарша приготовила ему крепкий кофе. Но он отпил только глоточек. Уходить не хотелось. Он сидел, подперев голову руками. Кофе давно уже остыл, тлеющий огонек сигареты незаметно достиг зажимавших ее пальцев. Ожог вывел его из задумчивости. Выбросив сигарету, и, потирая обожженное место, он вышел в коридор и приказал:

- Дежурного офицера ко мне. Быстро!

Через минуту в кабинет вошел старший лейтенант Гумба:

- Оперативный дежурный по штабу старший лейтенант ...

- Какие поступили сообщения? - устало перебил его доклад Ержиб.

- Пока никаких. Артиллерия противника молчит, товарищ майор. - доложил дежурный, понимая, что это именно беспокоит его сейчас в первую очередь.

- Это хорошо, - задумчиво произнес Ержиб. Вы свободны. Хотя, найдите старшего лейтенанта Джинджолия. Пусть, где хочет, разыщет бутылку хорошей чачи*. И пригласите ко мне капитана Агрба. Выполняйте.

Обстрелы Ткуарчала прекратились. Противник не обстреливал город вплоть до его отъезда в Гудауту.

Лишь проходя по улицам, Ержиб часто слышал после объявления ультиматума вслед себе, приглушенное "Абри оп"**. Во время переговоров по радио с командованием Кодорской группировки в радиорубке были только радисты. И только они могли пересказать горожанам подробности этих переговоров и содержание его ультиматума. Но он не стал наказывать их за это.

Гвардейцы наседали, превосходящими силами на позиции ополченцев. Кто-то не выдержал, выкрикнул срывающимся голосом: - "Отходим!" Минутная слабость выплеснулась чьей-то поспешной и неожиданной командой, сорвала с мест бойцов, и они начали беспорядочный отход, торопясь выйти из зоны смертоносного огня. Но длилось это недолго. Оглянувшись назад, они увидели, что только Кама*** осталась удерживать позиции отряда, прижимая к земле противника скупыми, короткими очередями. Стремительным броском они одолели обратный путь, и противник не выдержал их натиска - отступил...

* чача - виноградная водка

** Абри оп - это он (абхазск.)

*** Кама Ласурия - абхазская Жанна Д Арк - Герой Абхазии.

Настал момент, когда он понял, что условия госпитальной палаты оказывают на него отрицательного воздействия больше, чем все остальные раздражители вместе взятые, и дальнейшее его выздоровление будет зависеть не столько от химических препаратов, которыми его пичкают без конца, сколько от смены этих условий. Он понял необходимость: больше двигаться, больше видеть своих товарищей, вести с ними непринужденные беседы ни о чем и обо всем, и избавиться, наконец, от комплекса, опостылевшей уже госпитальной койки.

Восточный фронт воевал в окружении с самого начала войны. Он достигал по периметру около двух сотен километров, из которых 94 километра приходились на направления непосредственного огневого соприкосновения с противником. Остальная территория была прикрыта горным массивом и представляла собой скрытую систему блок-постов в районах возможного просачивания в тылы Восточного фронта войсковых и диверсионных групп противника.

Начало боевых действий совпало с периодом уборки урожая, и он погиб на корню, в результате ожесточенных боев, бомбежек, артобстрелов и вызванных ими пожаров. Жители населенных пунктов прифронтной полосы вынуждены были эвакуироваться в Ткуарчал.

Будучи неподготовленными к таким испытаниям, не имея соответствующих служб, военные и гражданские власти - оказались перед трудно разрешимыми проблемами - снабжения фронта и обеспечения гражданского населения. Продуктов, прибывающих с гуманитарными рейсами вертолетов из Карачаево-Черкесии было недостаточно, чтобы обеспечить весь

регион. К зиме истощились последние припасы. В городе начался голод. Около тридцати человек умерло голодной смертью. Особенно трудно приходилось русскоязычному населению, не имевшему связей с селом, и, лишенному, вследствие этого, естественной подпитки, традиционными для Абхазии продуктами - фасоли и кукурузы. На заседании Совета старейшин города было принято решение отдавать весь гуманитарный груз в пользу русскоязычного населения. Из этих запасов в столовой комендатуры для них было организовано разовое горячее питание - тарелка перлового супа и небольшой кусок лепешки, (ставшая традиционной блокадная суточная норма) в обед.

В один из дней офицерам предложили не ехать в полк, а отобедать в столовой комендатуры. Ержиб принял предложение - какая разница в том, где они съедят свою тарелку перлового супа: в полковой столовой, или в столовой комендатуры? - заодно можно проверить, как там организовано питание. Да и ближе, чем ездить в полк - меньше времени уйдет на обед.

В столовой почти не было посетителей - лишь два старика сидели за отдельными столами и расчетливо-медленно поглощали еду, смакуя каждый кусочек лепешки, и каждую ложку горячего жидкого супа, оттягивая время, когда они вынуждены будут вновь выйти после обеда на холодные, заснеженные улицы города.

Офицеры с шумом сдвинули два стола, расставили стулья. Ержиб повесил на спинку одного из стульев автомат и куртку и направился к умывальнику. Вернувшись к столу, он увидел на нем огромных размеров сковородку доверху полную в шипящем масле - только с огня - мясом. Кое-кто из офицеров уже сидел за столом, но к еде не притрагивались - ждали, пока Ержиб не сядет за стол. Он остановился. Взгляд его.

как мгновенная фотография, выхватил из всего окружающего один незначительный, на первый взгляд, момент - рука старика за столом напротив застыла с ложкой у рта, а глаза его уставились на сковородку на их столе. Ержиб почувствовал в груди щемящую боль: - "Все, ребята, уходим!" - он одел куртку, забросил за спину автомат и направился к выходу.

- Товарищ майор, куда вы? Остынет ведь.

- Я сказал уходим. Жду вас на улице, - жестко отрезал Ержиб, и вышел на улицу.

Через минуту из столовой вышли остальные офицеры. Следом за ними выскочила заведующая столовой: "Что-нибудь не так? Почему вы отказались от обеда? Вы обидели нас этим."

- Чья это была идея? - холодно спросил Ержиб, обращаясь ко всем.

- Моя, - ответил лейтенант Д. - Я ведь хотел как лучше сделать. Заведующая столовой - моя сестра. Вы оскорбили нас, товарищ майор. Вы оскорбили своим уходом традиции абхазского гостеприимства.

- Ну, это еще вопрос, кто кого оскорбил. Вы видели глаза того старика за столом напротив? Нет? А я видел. Поймите, одели военную форму для того, чтобы защитить народ, а не пользоваться какими-то привилегиями перед теми, кого мы взялись защищать.

Каждый чувствовал себя неуютно после этого инцидента. Никому не пришло в голову предложить поехать в полк, и офицеры вернулись в штаб. Лишь однажды комиссар попытался снять напряжение каким-то ничего не значащим вопросом. Но разговор не клеился и все сочли за лучшее промолчать.

Позже лейтенант Д. зашел к Ержибу:

- Извините, товарищ майор. Никто из нас не хотел обидеть вас этим. В селении родственники зарезали бычка, я и забрал для вас несколько килограммов

вырезки. Просто мы не продумали ситуацию до конца и не предвидели такой исход.

- Да, полно. Что теперь говорить об этом? Одно ясно - в какое положение ты поставил меня перед своими родственниками - будто бы я отправил тебя к ним за провиантом для себя...

Оставшись один, Ержиб пытался проанализировать свой поступок. Может быть он на самом деле неправ и зря обидел своим поведением товарищей? Он вспомнил, как еще пятиклассником спросил отца: - "Отец, адыги, как и все пережили тяжелый голодный тридцать третий год. В лесах, что не водились кабаны? Неужели нельзя было охотиться на них для пропитания? Ведь Коран не запрещает есть свинину, если нет другой еды."

- Вопрос не в том, запрещает это Коран или нет, - ответил тогда после некоторого молчания отец. - При всем разнообразии национальных блюд еда не была для адыгов делом первостепенной важности. Об этом говорит и пословица: "Ныбэм ди 1уэхур 1уэтэжыгъуаф1эщ.*" - человек живет не для того, чтобы есть. Он ест для того, чтобы жить. И люди не могли переступить через вековые традиции и перестать быть адыгами ради того, чтобы один раз вкусно и сытно поесть.

На всю жизнь запомнились Ержибу слова отца. И теперь, вспоминая об этом, понял, что не мог поступить иначе. И ответ на вопрос "почему?" лежал, скорее всего, в плоскости психологической, чем философской.

* В русском языке нет аналогичной пословицы и дословный ее перевод может звучать, как "проблемы проголодавшегося легко разрешимы".

Теплым весенним утром 10 мая 1994 года Ержиб вышел на трассу Гудаута - Сухум в районе Лыхнинского поворота и стал ожидать машину, расположившись в тени огромного раскидистого дерева, рассеянно взирая на проносившиеся по шоссе автомобили. Его машина почему-то задерживалась. Поднявшееся солнце начало припекать, однако снимать пиджак он не стал, чтобы не демонстрировать пистолет в подплечной кобуре.

В это время на остановку вышел, из видавшего виды обшарпанного "жигуленка", мужчина лет сорока пяти. Как и Ержиб, он был одет в гражданский костюм. Но аккуратно подвернутая выше колена правая брючина в сочетании с худощавым бледным лицом свидетельствовали о недавнем его пребывании в госпитальной палате, говорили о том, что это один из многих его знакомых и незнакомых фронтовых товарищей. Опираясь на костыли, он несколько раз безуспешно пытался остановить попутную машину. Но они проносились мимо такие же равнодушные, как и лица их водителей, в большинстве своем закрытые наполовину темными стеклами солнцезащитных очков.

Ержиб подошел к нему:

- Куда тебе ехать? - спросил он.

- В госпиталь. В Сухум. Только, вот, сомневаюсь, доберусь ли сегодня. - ответил незнакомец.

- Сейчас что-нибудь придумаем. Не расстраивайся, - успокоил его Ержиб и добавил, кивком головы указывая на его ногу: - На каком фронте воевал?

- Гумиста, - коротко ответил мужчина. - А это во время последнего штурма. Почти как в "Бриллиантовой руке" - ударило, потерял сознание, очнулся - ноги нет... - пошутил он. - Только, кажется, остались мы теперь никому не нужны, - добавил он со вздохом.

Вдали показался "жигуленок" седьмой модели. Ержиб

проголосовал, левой рукой показывая, одновременно, на своего нового знакомого. Машина пронеслась, не сбавляя скорости.

Обостренное чувство несправедливости сдавило горло. Не за себя. За этого парня на костылях. Чувство обиды, перерастающее в ожесточение. "Как же так? Пустая ведь машина проехала. О чем только он подумал, подлец? Ведь, если он воевал, это один из его боевых товарищей. А если не воевал - то, тем более, он должен был стать перед ним на колени, что защитил его - козла такого. Ну нет! Не дам я вам обидеть просто так этого человека!" - подумал Ержиб, выходя на середину шоссе. Вдали вновь показалась еще одна машина. На этот раз это была "волга". Ержиб вновь проголосовал правой рукой, левой показывая на парня на костылях. Не сбавляя скорости, "волга" вильнула в сторону, пытаясь объехать Ержиба. Но это стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. В доли секунды он выхватил из подплечной кобуры тяжелый "вальтер". Грохот выстрела прокатился, над пышущей зноем бетонкой, шоссе. Визг тормозов и визг, перепуганных женщин, на остановке отозвались эхом второму выстрелу. В следующее мгновение Ержиб взял на прицел машину, готовый стрелять по шинам, если она не остановится. "Волгу" пронесло метров тридцать. Наконец, медленно остановившись, она начала медленно сдавать назад и остановилась, подъехав к нему. Не опуская пистолет, Ержиб открыл дверцу и раздельно четко произнес:

- Я не спрашиваю, почему ты не остановился. Я не спрашиваю, по пути ли тебе это. Я просто приказываю тебе довезти этого парня в госпиталь в Сухум. Позже проверю. Номер твоей машины я запомнил.

Водитель бормотал в ответ что-то невнятное. Мертвенно-бледный цвет лица, и, трясущиеся на

колонке руля руки мало, свидетельствовали о мужских достоинствах его характера.

- Успокойтесь и выполняйте, - мягче добавил Ержиб, пряча пистолет в кобуру.

- Скажите мне, кто вы? - спросил мужчина с костылями, устраиваясь поудобней на переднем сидении рядом с водителем, который уже пришел в себя, когда Ержиб спрятал оружие, и пытался помочь своему, навязанному попутчику, устроиться удобней.

- Довезу. Конечно Довезу. Какой разговор? - повторял он без умолку.

- Скажите мне, кто вы? - настойчиво повторил мужчина с костылями.

- Это неважно, - ответил Ержиб и, обращаясь к водителю, добавил: - Трогай!

- Я найду вас, - услышал Ержиб голос парня на костылях, захлопывая дверцу машины.

В сентябре 1995 года Ержиб получил приглашение на празднование второй годовщины Победы. Во время массовых мероприятий в Лыхны к нему подошел незнакомый молодой человек и сказал:

- Извините, товарищ полковник, меня прислали пригласить вас к тому столику, - показал он на группу мужчин за столом в стороне.

Что-то знакомое показалось Ержибу во взгляде одного из них. Но он не мог вспомнить, где раньше встречался с ним. Он подошел к ним, так и не сумев вспомнить этого.

- Извините, что сам не подошел к вам, - сказал улыбаясь мужчина за столом. - Так и не смог научиться ходить ровно на одной ноге после нескольких стаканов... - виновато улыбнулся он, кивая на прислоненные к спинке стула, на котором он сидел, костыли.

Теперь Ержиб узнал его. Это был мужчина, которого

он подсаживал в машину на Лыхнинском повороте, будучи вынужденным применить оружие.

- Я ведь сказал тогда, что найду вас, - поднял он свой стакан, и, обращаясь к своим товарищам, добавил: - Предлагаю выпить этот тост за нашего гостя из Черкесии...

Существует расхожее мнение, что на войне трудно провести зримую грань между моральным и аморальным. Кто-то пытается объяснить свои действия необходимостью, кто-то конкретной ситуацией, кто-то идейными соображениями. Но никакие идеи, мнения или ситуация не могут оправдать жестокость. Она в самой природе человека и проявляется в той или иной степени в различных ситуациях, чаще всего как ответная реакция психики человека, попавшего в экстремальную ситуацию.

В конце февраля 1993 года, на одном из участков Восточного направления обороны Абхазии, должен был состояться обмен телами, погибших во время последних боев абхазских ополченцев и грузинских гвардейцев. Была достигнута договоренность обменять всех на всех - семь погибших абхазских ополченцев (в их числе была медсестра Ирина Курская) на трупы четырех грузинских гвардейцев. Для достижения такой договоренности, абхазская сторона должна была включить в этот список еще четверых пленных гвардейцев. Переговоры длились несколько дней, в ходе которых грузинская сторона утверждала, что все ополченцы убиты.

В назначенный день стороны встретились на ничейной полосе. Укрытые плащ-палатками тела, погибших гвардейцев, принесли на медицинских носилках. Четверо пленных гвардейцев стояли в

стороне, не скрывая своего возбужденно-радостного настроения от сознания скорого освобождения.

Страшное и непредвиденное произошло минутой позже, когда кто-то из абхазских парламентаров приоткрыл армейскую плащ-палатку, которой были укрыты тела погибших товарищей, и они увидели леденящую, даже у бывалых людей, душу картину: трупы ополченцев лежали "внасыпку", наверху тело медсестры Ирины Курской и кровь, сочившаяся еще из ее тела, багрила тела лежащих под ней товарищей. Стало ясно - она была жива до последнего момента. Ее и, как потом выяснилось, еще двоих других добибли ножами за несколько часов до обмена.

- Гады! - закричал кто-то.

Ержиб повернулся на крик и не сразу узнал Бесика Тужба (фамилия изменена) - перекошенное лицо и широко раскрытые, с неестественным блеском, глаза, из которых текли слезы.

- Сволочи! Да как же это так? - он начал шарить по пустой кобуре, пытаясь достать пистолет и, не найдя его, выхватил нож. В следующее мгновение, пока кто-либо успел сообразить что происходит, он подбежал к застывшим от ужаса пленным, гвардейцам...

Никто - ни абхазы, ни грузины не пытались помешать ему. Через минуту все четверо пленных гвардейцев, мгновения назад, надеявшиеся на скорое свое освобождение, лежали, корчась, в предсмертных судорогах...

Прибывшие для организации процесса обмена грузинские парламентары и военные стояли, понутив головы.

Забрав тела погибших товарищей, абхазские ополченцы вернулись на свои позиции. И только грузины долго еще стояли на месте недавней трагедии, разыгравшейся на их глазах.

Медсестра Ирина Курская похоронена с воинскими почестями на аллее Героев - в городе Ткуарчал.

На Нюрнбергском процессе некоторые нацистские военные преступники плакали, когда видели материалы расследования своих преступлений...

Все звали его Док. У него была хорошая практика в одном из краевых центров России, но он оставил ее и приехал в Абхазию, твердо уверенный, что здесь его знания и опыт пригодятся больше. Он ожидал уже назначения в один из госпиталей, когда узнал о готовящейся операции по розыску погибшего, на склонах Кавказского хребта вертолета и экипажа, и попросил включить его в эту группу в качестве врача.

Несмотря на имевшиеся договоренности, группа была захвачена грузинской стороной в качестве заложников. И, пройдя через издевательства обнаглевших от сознания безнаказанности боевиков, он отказался по возвращении в Гудауту от места хирурга в госпитале, сменив скальпель хирурга на автомат, принимал участие рядовым бойцом в освобождении столицы Абхазии - города Сухум.

Его судьба стала в какой-то момент похожей на судьбу Эрнесто Че Гевары - одного из вождей кубинской революции, сменившего в критическую минуту сумку врача на автомат, символа отваги и бесстрашия, кумира молодежи мира 70-х годов - и Ержиб назвал его тогда Че Гевара Док. Приставка Че Гевара, к прочно закрепившимся за ним Док, пришлась по душе всем настолько, что иногда его называли просто Че.*

* После окончания войны Мурадин Папшуов вернулся к врачебной практике и работает в одной из клиник республиканского центра.

Временное затишье в августе и начале сентября 1993 года позволило предпринять акцию по розыску останков вертолета ВВС Абхазии, погибшего в июне в Кодорском ущелье, на южных склонах Главного Кавказского хребта. Была достигнута договоренность, что в качестве обменной акции грузинская сторона проведет эксгумацию и идентификацию одной из своих остаточных групп, погибшей при зачистке в районе Псху после освобождения Гагры в ходе наступательной операции Бзыбского фронта обороны Абхазии.

В ходе встреч с представителями грузинской стороны удалось установить точное место гибели вертолета - южные склоны Марухского ледника. Рассказы очевидцев свидетельствовали, что вертолет был подбит тепловой ракетой. Потерявшую управление машину, добивали из крупнокалиберного пулемета. Потерявшая управление, машина начала снижаться по замысловатой спирали и зависла на какое-то время на небольшой высоте. Внизу сверкал, переливаясь в лучах утреннего солнца, снег и, люди решились прыгать из гибнущей машины. Но слежавшийся плотный наст встретил их новой бедой - они ломали себе руки и ноги и абсолютно беззащитные попадали под безжалостный огонь пулеметов, засевших на водоразделе боевиков.

Для проведения акции по розыску и вывозу останков пассажиров и членов экипажа погибшего вертолета, и была задействована группа горных спасателей из Карачаево-Черкессии.

Командование поручило возглавить эту акцию майору Тванба*, хорошо знавшему этот район и имевшему много знакомых среди сванского населения. Вылет группы в район несколько раз откладывался. Наконец

* майор Виктор Тванба - Герой Абхазии

удалось согласовать с грузинской стороной все вопросы и группа, в состав которой кроме спасателей вошли опознаватели из числа родственников и товарищей погибших, вылетела на российском военном вертолете в оккупированный войсками Госсвета Сухум для прохождения таможенного досмотра.

Утром следующего дня, спасатели вышли на радиосвязь и сообщили, что выдвинулись в сопровождении проводников в район гибели вертолета. Осуществляя вечерний сеанс радиосвязи, радист спасателей после заминки, последовавшей за вопросом на кабардинском языке, ответил: "Говорите по-русски." Этим было сказано все - грузинская сторона нарушила достигнутые ранее договоренности и задержала группу в качестве заложников.

"Говорите по-русски." Эта фраза ударила сознание предчувствием большой беды: - группу спасателей захватили в качестве заложников. Возможные последствия были легко предсказуемы при всей непредсказуемости действий, вырядившихся в военную форму бандитов - они могут начать в любую минуту расстреливать заложников. Необходимо что-то предпринять." - Ержиб не заметил, что сигарета давно потухла и он сжимает между пальцев, исходящий приторно-кислым запахом окурок. Он выбросил его в пепельницу и поспешил к генералу - в этом деле нельзя полагаться только на себя - необходимо было посоветоваться с ним.

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ
ВХОДЯЩАЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММА №...*
Поступила из: ТКУАРЧАЛ

* номер шифротелеграммы, цифровые данные и позывной респондента опускаются.

Время поступления: ...

Время обработки:

Семнадцатому

Всех военнопленных обменяли. Возможностью предложить кого-либо в качестве обмена на заложников не располагаем.

Это была слабая надежда, но теперь не стало и ее. Оставалась возможность проведения специальной операции по освобождению заложников. Правда, представители высшего военного руководства ВС России предприняли ряд активных мер воздействия на грузинскую сторону по освобождению граждан России и всей группы в целом*, но рассчитывать только на их действия не приходилось, зная жестокость и вероломство виновников инцидента.

Со слов очевидцев, выезжавших для переговоров к сванам, и участников переговоров от грузинской стороны** было известно, что в их среде нет единства взглядов в отношении заложников***, а сами заложники

* Высшее руководство России заявило жесткий протест по поводу захвата граждан России в качестве заложников и потребовало от руководства Грузии немедленного их освобождения.

** Участник переговоров от грузинской стороны Ким Джичвилиани, депутат довоенного парламента Абхазии, приложил немало усилий, оказывая содействие в освобождении заложников.

*** С наступлением рассвета во дворе школы собиралось все население не только Ажары, но и приезжие и начиналось шумное обсуждение вопроса как поступить с заложниками. Одни предлагали расправиться с ними, другие выступали в их защиту, аргументируя свое отношение к заложникам, их уважительным отношением к памяти останков людей

содержатся под относительно слабой охраной в здании школы в селении Ажара.

- В составе группы спасателей 15 человек. Снаряжения у них не осталось - все отобрали. Следовательно, состав группы по освобождению заложников может быть в пределах десяти-пятнадцати человек. Она высаживается в этом районе - в двадцати километрах от селения, где заложники содержатся под относительно слабой охраной. Участок местности сильно пересеченный, поэтому разведчикам потребуется около семи часов, чтобы выйти в заданный район. С наступлением темноты, дождавшись, когда заложники останутся только с охраной, разведчики снимут бесшумно часовых и выведут группу спасателей в район ожидания борта.

- Чья группа пойдет на задание? - спросил Двенадцатый.

- Группа из разведроты майора Шорова*. Людей в группу подбирает он сам. С ним пойдут также Казбек Мижаев, Али Кадагазов** и три абхазских добровольца, которые кроме того, что проявили себя как крутые боевики, до войны были охотниками и великолепно знают район, предполагаемых действий.

- Кто старший группы?

- Сам Муаед Шоров.

- Основные надежды я возлагаю все-таки на дипломатическое решение проблемы. Президент России сделал серьезное заявление по этому поводу и представители грузинского военного командования

* Муаед Шоров - доброволец из Кабарды, Герой Абхазии, погиб после войны в автокатастрофе.

• ** Казбек Мижаев и Али Кидиакоев - добровольцы из Карачаево-Черкессии, погибли после войны в автокатастрофе.

прилагают сейчас все силы, чтобы не допустить расправы с заложниками и освободить их. Но, не рассчитывая на эти меры, мы должны подготовить силовую операцию из необходимости и на крайний случай. Поэтому, кроме тебя и майора Шорова об этой операции не должен знать никто. Все необходимые для проведения такой операции детали - вертолет, группу бойцов, которые будут задействованы в операции и другие моменты готовить под другой легендой.

Через два дня началось поэтапное освобождение заложников. Первую группу вертолет российских ВВС доставил на российскую военную базу в Бомборах. Они привезли с собой фрагменты останков экипажа и пассажиров вертолета, собранные ими на месте гибели вертолета.

Проходя по улице, Ержиб встретил благообразного вида старушек.

- Молодой человек, можно у вас спросить? - остановили они его.

- Я слушаю вас.

- Как вы думаете, если бы царем нашего мира был Иисус Христос, стали бы мы добрее и справедливее друг другу?

- У Иисуса Христа было две тысячи лет на обдумывание этого вопроса, но он так и не нашел пока ответ...

Бедные старушки. Они опешили, не зная, как дальше поступить.

- Я, как и вы, хотел бы, чтобы люди были добрее и справедливее друг к другу, но эту проблему должны решать мы с вами, а Бог с нас спросит за это.

Война, как огромное сито, просеивает судьбы сотен тысяч людей, обнажает их сущность и проводит зримую грань между фарсом и истинной порядочностью. Встречаясь лицом к лицу со смертельной опасностью, человек остается один на один со своей совестью, когда все показное, нормальное для обыденной жизни, превращается в прах, уступая место Истине, проявляющей дух человека.

Ложное восприятие каждого абхаза как героя исчезло у Ержиба после общения с некоторыми из них, скитавшимися по республикам Северного Кавказа, прикрываясь всякого рода деятельностью "на благо своего народа", который истекал в это время кровью в борьбе с жестоким и коварным врагом. Ими руководил страх. Они принадлежали к той категории людей, которые считают свое существование единственной ценностью в жизни, ставя его выше понятий долга, чести, добра и справедливости.

Ержиб был свидетелем того, как человек, пришедший на войну, сломался еще до того, как пошел в бой. Оставив своих товарищей, он сбежал на третий день из Абхазии в Хабез. Его съел страх. Его съело ожидание возможной и, обязательно неминуемой гибели. Бог ему судья.

Получив назначение на Восточный фронт, Ержиб категорически запретил эвакуацию, в качестве беженцев из Ткуарчал, мужского населения призывного возраста. Однако, не секрет, кое-кому удавалось, пользуясь его временным отсутствием, пробраться внаглую в вертолет и улететь в Хабез или Теберду. Он надолго запомнил глаза местной знаменитости - певца Заура Рухба, которого буквально вышвырнул из вертолета, отлетающего в Хабез с ранеными абхазскими ополченцами и добровольцами из Кабарды. Огромные.

округлившиеся, они ничего не видели кроме, уходящего за горизонт вертолета. В них стояли слезы отчаяния и страх...

При завершении операции по освобождению столицы Абхазии - города Сухум на абхазскую волну вышел грузинский респондент. Страшно коверкая слова, он попросил соединить его с кем-нибудь из руководства. Трубку взял Славик Анкваб.

- Слюши, Славик, я часто слышал твой голос на раци. Що мнэ дэлать, скажи?

- Кто ты? И что я должен тебе сказать, - ответил подполковник* Анкваб.

- Я хачу плен...

- Ну поднимай руки и выходи.

- А мэни нэ убьют? У мэни цели чэмодан дэнэг.

- Никто тебя не убьет. Выходи. А деньги твои никому не нужны. Они у нас не в ходу, - успокоил его Анкваб.

В это время в эфир ворвался другой голос:

- Ты - казел! Я твою маму... Ты почему перед ними на колени становишься?

- А гдэ ти сидиш? - спросил его первый голос.

- Бабушара сижу, я твою маму... - не хотел оставлять в покое мать готового сдаться в плен гвардейца второй респондент.

- Бабушар, да? Поэтому у тэбя ж... такой крэпки. А я сижу здэс и они кругом. Понял ти, казел?

Закончив выяснять "родственные" отношения с гвардейцем из Бабушары, он вышел к завершающим разгром, окруженных оккупационных войск, абхазским подразделениям с чемоданом, ничего не значивших для Абхазии грузинских денег. Впоследствии он был интернирован.

Сравнивая эти эпизоды проявления трусости, Ержиб

* указано звание на описываемый период.

не раз пытался вникнуть в сущность самого явления. Иногда в основе показного мужества лежал порыв. Порыв. Даже великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин оказался подвержен порыву: "...Пускай свободой горим, пускай сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы..." - писал он в известном стихотворении. Именно порыв руководил им, когда он вступал в ряды тайного общества декабристов. А на Сенатскую площадь он не явился - он был в пути, когда дорогу ему перебежал заяц - плохая примета, и этого было достаточно, чтобы он повернул назад. Хотя, на вопрос императора, где бы он был, ответил гордо: "Хотел быть на Сенатской площади..." Значит, порыв - состояние души, а не черта характера. Он не смог победить в себе психологию придворного поэта, хотя и не стал от этого менее знаменит. Но было и другое - на войне Ержиб не раз был свидетелем беспримерной храбрости. Но истинное мужество видел не в том, чтобы пройти, не пригибаясь, открытой и простреливаемый участок местности, игнорируя свист пуль и осколков над головой, когда в этом нет необходимости. И, видимо, в этом и заключалось мужество для основной части людей, взявших в руки оружие, чтобы защитить свой дом, свою родину, что он должен выполнять работу, необходимую для этого на данный момент.

Никогда не померкнет в истории Абхазии образ Виталия Бутба - ученого-историка, единственного специалиста по древнеармянскому языку. Он отказался подчиниться приказу президента отозвать его с фронта согласно брони: "Никто не может мне запретить защищать свою родину". Виталий Бутба* погиб как герой.

** По официальной версии пропал без вести.*

пожертвовав свою жизнь за свободу и независимость
Апсны.

Лабинск. Автовокзал. В ожидании своего рейса
Ержиб стоит в стороне и дымит очередной сигаретой.
Его внимание привлекает к себе фигура одетого
непонятно во что мужчины. Ержиб подходит к группе
таксистов:

Просветите, ребята. Никак не могу понять - штаны -
милицейские, фуражка - армейская, кокарда - х...
поймешь. Что за форма?

А это - наш Кузьмич. Он в казаки записался... -
начинает кто-то из таксистов и ответ его прерывается
общим хохотом.

Словно почувствовав, что речь идет о нем,
"импозантный" мужчина - новоявленный казак - садится
в свою "шестерку" и выруливает со стоянки. Тускло
блестят через ветровое стекло три звездочки на
погончике его кожанки гражданского покроя - не то
старлей*, не то поручик. Метаморфозы сегодняшней
действительности. Ряженные фанатики могут опошлить
любую идею. И не сравниться этому, с позволения
сказать, поручику с Дедом** - настоящим казаком, с
которым Ержибу довелось познакомиться в Абхазии.

Просматривая личный архив генерала П.,

* старший лейтенант (жарг.)

** полковник Сидоренко Анатолий Анисимович,
представитель Екатеринодарского отдела
Всекубеанского казачьего войска - погиб, заслонив
товарищей от взрыва гранаты. Похоронен в городе
Краснодаре в парке Славы.

доставленный в отдел в составе трофейных документов. Ержиб натолкнулся на письмо, написанное мелким убористым почерком на русском языке. "...Мне стыдно, что мы поддались провокационным идеологическим заготовкам алхимиков от политики. Они играют судьбами людей, бессовестно апеллируя при этом к народу. Мы - офицеры, прошедшие школу советской армии, потомки тех, кто освобождал Европу от коричневой чумы, сами стали сегодня носителями этой заразы. Видимо так устроен человек, что в нем уживаются одновременно и добро, и зло. Все зависит от ситуации, чтобы эти качества проявились в нас в наших конкретных действиях. И стоило самому столкнуться с несправедливостью, чтобы понять происходящее - я стал чужим только потому, что не знаю грузинский язык. Понимаю, это всего лишь повод. Причина кроется, как ты понимаешь, в том, что должность, которую я занимал, была предметом тайной зависти известного тебе выскочки. Все это напоминает больше закулисную жизнь двора царицы Тамары. Но беда в другом - не в пример Тамаре, они приведут республику к краху. Это не наша война, Заури..."

Письмо было без подписи. Но из содержания можно было понять, что оно написано генералом Д. - бывшим министром обороны, приглашенным на этот пост из России. Через несколько месяцев работы ему было инкриминировано незнание родного грузинского языка, вследствие чего ему пришлось оставить свой пост и уехать из Грузии.

За войну Ержибу довелось не раз встречаться с грузинскими офицерами, которые думали как генерал Д. Но общенациональный психоз и амбиции доморощенной элиты заставляли их прятать свои сомнения глубоко ото всех. И ответ на все "почему?" кроется, видимо в том, что на всем постсоветском

пространстве мы живем в условиях где-то между правовым государством и относительно свободным обществом, в условиях, когда нет гарантий свобод и прав личности.

Давно тяготея к НАТО, военное и политическое руководство Грузии не смогло удержаться во время военной кампании в Абхазии от бредовой идеи - подключить к решению своих амбициозных планов председателя комитета начальников штабов вооруженных сил США генерала Джона Шаликошвили и получили "вежливый" отказ. Жесточайшее военное поражение в Абхазии, заставило руководство Госсовета Грузии искать пути выхода, из создавшейся ситуации, и оно спешно заявило о своей готовности войти в состав СНГ.

Гурам - неугомонный балагур и анекдотчик - подходит к Еожибу. На его лице блуждает хитрая улыбка:

- Слышали новый анекдот, товарищ подполковник?

- Ну, трави.

- Президент России объявил благодарность абхазской армии.

- ?

- Мы ведь заставили Грузию войти в СНГ, - смеется

Гурам. - А я еще песню сочинил. Хотите послушать?

- Давай уж. Ты ведь не успокоишься, пока не получишь на нее рецензию.

Безбожно фальшивя, Гурам затягивает хрипловатым голосом:

В недоумении солдаты

России, США и ФРГ -

Мы взяли в руки автоматы,

"Лису" загнали в СНГ...

- Ну, как?

- Ничего! - смеется Ержиб. - Ты и анекдот, наверное, сам придумал?

- Вы и это поняли, - хохочет довольно Гурам.

Латское направление - район компактного проживания сванов в Кодорском ущелье - было одной из наиболее важных проблем послевоенной Абхазии. Здесь скопилось большое количество техники, брошенное спешно отступавшими частями оккупационных войск и оставались вооруженные формирования местных сванов - бывшей составной части этих войск. Сваны отказывались подчиниться абхазской администрации, как этого требовали условия четырехстороннего соглашения между Абхазией и Грузией при посредничестве России и Организации объединенных наций. По разрешению этих проблем в Кодорском ущелье должна была состояться встреча на уровне военных представителей при участии миссии ООН и командования миротворческих сил России в Абхазии.

Абхазскую военную делегацию представляли - начальник Генерального штаба ВС Абхазии генерал-лейтенант Дбар С.П. и начальник отдела министерства обороны подполковник Ержиб Гоуреев. Грузинскую сторону представляли генерал-майор Курашвили - заместитель министра обороны Грузии и полевой командир Нугзар Пангани. Посреднические функции осуществляли генерал-лейтенант Якушев - командующий миротворческими силами России в зоне разъединения грузинских и абхазских войск и полковник Рахман - офицер военной миссии ООН в Абхазии.

Встреча проходила в селении Ажара в здании бывшей школы, классы которой с успехом заменяли теперь солдатскую казарму.

Сваны, зажатые в Кодорском ущелье в селениях Ажара, Генцвиш, Омаришара и Сакен, пытались добиться послаблений для себя и создания условий для устойчивых связей с Грузией. Но это противоречило пункту четырехстороннего Соглашения об административных границах Абхазии и Грузии. Сваны заявили, что не признают ни самого Соглашения, ни тех, кто это Соглашение подписывал: "Затеяли войну, втянули нас в авантюру, а теперь сбежали и, прикрываясь какими-то соглашениями, бросили нас на произвол судьбы. А посему мы не собираемся подчиняться кому бы то ни было..."

- Мы вообще сюда никого не пустим! - отрезал Нугзар Пангани. - Ни абхазов, ни грузин, ни русских.

- Это же несерьезно, Нугзар, - заметил с улыбкой генерал Дбар.

- Еще как серьезно! В горах один хорошо подготовленный боевик будет стоять сотни ваших солдат...

- Несерьезно, потому, что война уже показала кто чего и сколько стоит. Более того, мы в состоянии решить эти вопросы чисто техническими средствами, если на это пойдет, - жестко оборвал его Дбар.

- Господин генерал, это уже не переговоры. Вы начинаете нам угрожать. - сказал кто-то из-за спины Нугзара Пангани.

За спинами сидящих за столом военных, начал нарастать шум недовольства толпы, заполнившей помещение вопреки положениям о переговорах. Ситуация накалялась, грозя обернуться срывом переговоров, и другими непредвиденными действиями со стороны сватов. Генерал Дбар и Ержиб переглянулись. Они заранее предвидели такую возможность и не выказали внешне никакой обеспокоенности.

- Это не дело! - вмешался в разговор генерал Якушев.

- Мы прибыли сюда решить жизненно важные для населения абхазской Сванетии вопросы. В этих целях нам необходимо разминировать дороги, с тем, чтобы мы могли бы доставлять сюда гуманитарную помощь, а также подразделения миротворческих сил для разоружения, незаконных вооруженных формирований...

- Мы заминировали дороги на следующий же день, - перебил генерала Якушева Нугзар Пангани

- У меня найдется достаточно сил и средств, чтобы выполнить поставленную мне задачу! - жестко продолжил Якушев. - Поэтому, лучше будет исключить необходимость принятия силовых мер.

Позиция силы - наиболее весомый аргумент, для тех, кто ее исповедует. И сейчас она подействовала на горячие головы сторонников оказать давление на абхазскую и российскую делегации, с тем, чтобы хоть как-то повлиять на ход переговоров. Однако, поняв безвыходность своего положения, они стали более покладистыми и подписали все пункты, обсуждавшихся на переговорах вопросов.

Завершив подписание итогового документа, военные встали из-за стола и пожали друг другу руки. Однако, уехать просто так не дали. Из-за стола переговоров офицеры попали за другой стол - банкетный.

По пути к дому, где было приготовлено угощение, военные распались на отдельные группы. Генерал-лейтенант Дбар, генерал-майор Курашвили и подполковник Гоуреев несколько отстали от других, поднимаясь на взгорок. Они оживленно беседовали на отвлеченные темы, и, увлеченный моментом, генерал Курашвили решил пошутить:

- Я решил оставить вас заложниками, - сказал он, смеясь.

- Да мы, собственно, и не против, - в тон ему ответил генерал Дбар. - Но только при одном условии.

- И что же это за условие? - недоуменно-заинтригованно спросил грузинский генерал.

- Каждый день козленка на обед, хорошее вино и соответствующую компанию.

- Да на таких условиях я и сам не против того, чтобы попасть к вам в заложники, - нашелся с ответом генерал Курашвили.

Офицеры рассмеялись.

Банкетный стол был приготовлен в просторной гостиной одного из частных домов. Атмосфера внешней благожелательности располагала к мирной застольной беседе и трудно было поверить, что несколько минут назад они сидели за другим столом, осторожные в словах, полные подозрительности и недоверия друг к другу.

Проводя застолье в абхазских традициях, первый тост подняли за встречу. Вторым тостом выбирали тамаду. Им стал генерал Дбар. Он поблагодарил всех за оказанное ему доверие, повел застолье так, как это и подобает настоящему абхазскому тамаде.

Где-то, к середине застолья, тамада предложил поднять тост за Нугзара Пангани. Поддержав этот тост, Ержиб добавил: - "Первый, кому я пожал руку после окончания переговоров, был Нугзар, потому, что увидел в нем себя - человека, болеющего за свой народ, за свою землю. В его положении я вел бы себя так же. За тебя, Нугзар!"

Эти слова пришлись, видимо, по душе одному из молодых офицеров из свиты генерала Курашвили. Не дожидаясь своего черед, он вскочил со своего места: - "Господин вице-полковник правильно сказал, - начал он. - Мы должны ценить мужество друг друга и жить в дружбе, чтобы у нас была одна граница по Псоу*...

* Псоу - пограничная река между Абхазией и Россией.

- Господин майор! - прервал его Ержиб. - Я прошу вас не путать Псоу с Ингури*.

Кто-то из старших офицеров сделал замечание майору по-грузински. Он замолчал. И после некоторого замешательства, вызванного этим замечанием, застолье продолжилось. Но этим курьезы дня не кончились. Несколькоми минутами позже генерал Дбар, как тамада застолья, обратил внимание на то, что генерал Курашвили не пьет, а лишь пригубливает свой стакан.

- Ты почему не пьешь? - спросил он.

Генерал Курашвили больше знаками, чем словами, объяснил, что не пьет из-за недомогания.

- Вот смотрю я на тебя и не пойму, что ты за генерал: - воевать не умеешь, пить тоже не умеешь, - сделал свое заключение тамада.

За столом наступила гнетущая тишина. Генерал Якушев сосредоточенно изучал на свет содержимое своего стакана, полковник Рахман еле заметно кивал головой, слушая склонившегося к самому его уху переводчика, а грузинские офицеры молча переглядывались. Разряжая обстановку, Ержиб встал и предложил поднять тост за военных:

- За настоящих военных! - громко сказал он, - которые являются гарантами мира.

Все офицеры дружно его поддержали...

Вечером того же дня вертолет российских миротворческих сил доставил офицеров обратно в Сухум.

Отец Виссарион играл в военной жизни добро-

* Ингур(и) - пограничная река между Абхазией и Грузией.

вольцев роль наставника. Он был другом и братом каждому из них. И часто можно было встретить в гостях у него группы добровольцев, отдохавших у него после боев, или, готовящихся выехать на позиции Гумистинского фронта. Для каждого он находил нужное слово, каждому готов был помочь делом. Не обошлось и без интересного казуса: добровольцы слушали как-то его проповедь и, оказавшись под влиянием проникновенных слов священника, один из кабардинцев встал перед ним на колени и сказал смиренно: "Святой отец, благослови меня..."

В этот день, однако, отца Виссариона не было дома. Он выехал в город по делам. На террасе сидели несколько добровольцев и абхазских ополченцев. На столе перед ними стояли тарелки, с остывшей мамалыгой, и кувшины, полные еще вина. Разомлевшие от вина и щедрых лучей южного солнца, они оживленно обсуждали вопросы истории абхазского и адыгского народов.

- ...Первая демократическая революция на территории бывшего СССР имела место в Черкесии, когда после Бзиюкской битвы*, в 1796 году абадзехи и шапсуги** изгнали князей и дворян, - торжественно объявил Анзор, наполняя стаканы вином.

-К сожалению, в оценке Бзиюкской битвы мы исходим зачастую из неверных представлений о демократии, - вмешался Ержиб в их разговор.

-Как это понять?

-Демократия не означает необходимости межсословного вооруженного конфликта. Изгнание абадзехами и шапсугами князей и дворян было шагом,

* Бзиюкская битва -

** абадзехия и шапсугия - конфедеративные княжества западной Черкесии.

скорее, к диктатуре, а не к демократии. Поэтому, я бы отнес Бзюкскую битву к разряду междуусобных конфликтов, который был искусно спровоцирован извне.

- Но ведь демократия - это народовластие?

- Да, демократия - это народовластие. Но народ следует понимать как общность всех сословий, а не отдельно взятый класс или сословие. Следовательно, и народовластие - это совместное управление обществом, а не крен в сторону диктатуры.

- Черт их разберет эти слова. Вроде бы научили произносить их, а что они на самом деле обозначают и не разберешь с первого раза. Решил похвастаться историей своего народа и попал впросак. - с сожалением сказал Анзор.

- Во-первых, не следует поминать черта в доме батюшки, - рассмеялся Ержиб. И, посерьезнев, добавил: - Нам есть чем гордиться. И нет необходимости прибегать к таким сомнительным предметам гордости. Еще в прошлом веке Карл Маркс писал, что народы мира должны учиться у черкесов защищать свою свободу, потому, что адыги отстаивали свою независимость на протяжении почти столетней войны, когда Турция, Англия и Франция фактически отказались от своих союзнических обязанностей, оставив Черкесию один на один в борьбе против царского самодержавия. И, верные, устоявшимся жизненным принципам, которые вырабатывались народом на протяжении не одного тысячелетия, адыги оказались заложниками национального традиционализма и проиграли в этой войне, и были вынуждены оставить родину, предпочтя ей свободу.

Мутная, раздавшаяся в берегах от паводковых вод, река рокотала у самых ног. Ержиб присел на корточки и

опустил руки в студёный поток, зачерпнул ее в ладони и, выждав секунду, плеснул в лицо. Холодная вода обдала лицо, бодрящей утренней свежестью. Распрямившись, он подошел к лежавшей в стороне в траве сумке, достал полупустую пачку "Camel" и закурил, подставляя утреннему ветру, влажное от воды лицо. Сделав несколько глубоких затяжек, он застегнул молнию сумки, забросил ее на плечо, подумав секунду, отбросил далеко в сторону трость с изящным набалдашником и, слегка прихрамывая, зашагал к остановке автобуса.

Мусса ДАУРОВ

ПАРАДА ПРИМА

Повесть

СО ЩИТОМ...

Повесть

Редактор и корректор Куправа Е. Д.

Автор выражает глубокую признательность за
помощь, оказанную в осуществлении проекта
Аргун Роману Джигрицовичу - Сухум
Бегельдиеву Амербию Хасановичу - Майкоп
Керашеву Руслану Темботовичу - Майкоп
Черкесову Мурадину Хамталовичу - Москва
Эшба Беслану Ахметовичу - Сухум
Допуа Гиви Хонеловичу - Сухум

Формат 84x108 1/32. Тираж 500. Физ. печ. лист 4.56.
Усл. печ. лист 7.7. Заказ № 172.

Республика Абхазия
ГПП «Дом печати»
г. Сухум. ул. Эшба. 168.

МУССА ДАУРОВ

Автор повести "Право на риск"

В 1976 году окончил
Пятигорский институт
иностранных языков. С августа 1992 года
принимал участие в боевых
действиях в Абхазии на
различных командных
должностях. С 1993 по 1995 г.г.
начальник отдела Министерства
обороны Республики Абхазия.
Кавалер ордена Леона.
Книга "Со щитом..." является продолжением
повести "Право на риск" и
завершает трилогию о Е. Гаурееве